

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

Е. И. Замылин

ТАКТИКА И ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ С ЛИЦАМИ,
ПОДЛЕЖАЩИМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ,
НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Учебное пособие

Волгоград
ВА МВД России
2018

УДК 343.985.7(075.8)
ББК 67.522.1я73
3 26

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Замылин, Е. И.

3 26 Тактика и психология общения с лицами, подлежащими государственной защите, на стадии предварительного расследования : учеб. пособие / Е. И. Замылин. – Волгоград : ВА МВД России, 2018. – 128 с.

ISBN 978-5-7899-1121-1

Учебное пособие посвящено проблемам тактики и психологии общения с участниками уголовного судопроизводства и иными лицами, безопасность которых подвержена угрозе в результате посткриминального воздействия как следствия их содействия правосудию, на стадии предварительного расследования; оптимизации взаимодействия следственных и оперативных подразделений в ходе раскрытия и расследования преступлений в условиях активного противодействия со стороны заинтересованных лиц.

Издание предназначено курсантам и слушателям образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.985.7(075.8)
ББК 67.522.1я73

Рецензенты: начальник кафедры криминалистики канд. юрид. наук, доцент *Е. А. Пидусов* (Воронежский институт МВД России); заместитель начальника кафедры криминалистики канд. юрид. наук, доцент *А. В. Шебакин* (Барнаульский юридический институт МВД России)

ISBN 978-5-7899-1121-1

© Замылин Е. И., 2018
© Волгоградская академия МВД России, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. Участники уголовного судопроизводства и иные лица как жертвы посткриминального воздействия; их психологический портрет	6
Глава II. Организация, тактика и психология проведения отдельных следственных действий	38
§ 1. Организационные моменты и тактико-психологические особенности вовлечения в уголовный процесс лиц в качестве потерпевших и свидетелей; нейтрализация посткриминального воздействия	38
§ 2. Тактико-психологические особенности допроса обвиняемых (подозреваемых); проблема обеспечения их безопасности	61
§ 3. Тактико-психологические особенности проведения иных следственных действий с участием лиц, безопасность которых подвержена угрозе	77
Глава III. Взаимодействие следственных и оперативных аппаратов в условиях активного противодействия расследованию преступлений	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	112
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	114

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время раскрытие и расследование уголовно наказуемых деяний все чаще сопровождается активным противодействием со стороны заинтересованных лиц. Как следствие посткриминального воздействия остро встает вопрос о доказательственной базе, довольно распространенными явлениями действительности становятся дача заведомо ложных показаний, изменение ранее данных достоверных показаний, отказ от дачи показаний не только подозреваемыми и обвиняемыми, но и свидетелями и даже потерпевшими.

Посягательство на участников уголовного судопроизводства в целях склонения к противодействию расследованию, как правило, имеет место по уголовным делам, где ограниченность доказательственного материала придает особую значимость информации, содержащейся в их показаниях. Способы воздействия при этом самые различные: от уговоров и предложений вознаграждения до угроз и физического насилия. Посткриминальному воздействию подвергаются не только потерпевшие и свидетели, но и обвиняемые (подозреваемые), изъявившие желание сотрудничать или уже сотрудничающие со следствием, и их близкие.

Не является исключением психическое и физическое насилие в отношении отдельных лиц еще до момента наделения их процессуальным статусом. Посткриминальное воздействие осуществляется превентивно. Оно реализуется в отношении заявителей, жертв преступной деятельности и очевидцев происшедшего во временном промежутке с момента совершения преступления до предоставления лицу возможности дать показания по существу дела.

Неправомерное воздействие является серьезным препятствием на пути к сотрудничеству сторон. Система психологической защиты, которая вырабатывается фигурантом по делу вследствие угроз физическим насилием, уничтожением (повреждением) имущества и пр., опосредованная необходимостью обеспечения как собственной безопасности, так и благополучия своих близких, выхолщивает социально значимую карательную функцию государства: индивид, как правило, опасается не столько быть привлеченным к ответственности за противодействие расследованию, сколько расправы за дачу изобличающих виновного показаний.

Особую тревогу вызывает осознание сотрудниками правоохранительных органов в ряде случаев собственного бессилия перед разгулом преступности. Надо признать, что правоприменительная практика свидетельствует о довольно низком уровне психологических знаний, об отсутствии у многих следователей и оперативных работников должной коммуникативной компетентности, навыков профессионального общения. В обстановке противостояния и конфликтов, которые сопровождают их деятельность, традиционные приемы и методы получения и закрепления доказательств эффективны далеко не всегда; практика деятельности сотрудников означенных силовых структур нуждается в обновлении тактико-психологического арсенала.

Г Л А В А I

УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ИНЫЕ ЛИЦА КАК ЖЕРТВЫ ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ; ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В настоящее время следователю все чаще приходится решать задачи по раскрытию и расследованию преступлений в условиях острой конфликтной ситуации, которая находит свое проявление в противодействии установлению обстоятельств по делу не только со стороны обвиняемых (подозреваемых), но и со стороны свидетелей, а порой и потерпевших. По данным статистики, каждый год в России около 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей, в том числе в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям. Из них каждый пятый получает угрозы с требованиями изменения либо отказа от даваемых показаний¹.

Глобальной тенденцией, обуславливающей рост посткриминального воздействия, является «обязательный абсолютный и относительный рост преступности для большинства развитых и развивающихся стран мира»². Сложившаяся ситуация обусловлена комплексом причин политического, социально-экономического и иного характера; они опосредованы противоречиями во всех сферах общественных отношений, и поэтому борьба с ними идет с переменным успехом, многие проблемы на современном этапе пока остаются неразрешимыми.

Правовая и экономическая ситуация в стране ограничивает возможности правоохранительных органов в деле обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству, и их близких. Посткриминальное воздействие обуславливает «вторичную виктимизацию» лица, претерпевшего от преступного посягательства. Приняв меры к восстановлению в рамках закона нару-

¹ См.: Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Государственная программа на 2014–2018 гг. (с изм. на 13 августа 2015 г.): постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. М., 2000. С. 17.

шенных прав, законопослушный гражданин в ходе расследования по делу далеко не всегда чувствует себя в безопасности.

Довольно часто субъект (конкретный участник уголовного судопроизводства) вступает в конфликт со следствием под воздействием третьих лиц как следствие неправомерного воздействия на него заинтересованной стороны. Поэтому особую значимость конфликтная ситуация приобретает на стадии предварительного расследования по делу именно в результате посткриминального воздействия. Здесь налицо конфликт особого свойства: участники уголовного судопроизводства, в своей основе, не будучи заинтересованы в противодействии расследованию, вступают в конфликт со следствием под воздействием третьих лиц либо посредством предоставления заведомо недостоверной информации по делу, либо избегая участия в расследовании (отказываясь от дачи показаний). При этом участник уголовного судопроизводства заранее знает, что рискует быть привлеченным за свои противоправные действия к уголовной ответственности.

Если, и как правило, конфликтная ситуация складывается в отношениях между двумя фигурантами, то в конфликте, получившем свое развитие вследствие посткриминального воздействия, принимают участие не менее трех сторон: одной из них является следователь, другой – участник уголовного судопроизводства, и так называемые «подстрекатели», выступающие в качестве некой третьей силы, представители которой непосредственно в конфликте между субъектами уголовно-процессуальных отношений не участвуют. «Подстрекатели» провоцируют конфликт между взаимодействующими сторонами посредством неправомерного воздействия в отношении источника доказательственной информации независимо от стадии производства по делу. В их качестве выступают различные категории лиц, в том числе непосредственно заинтересованные в неблагоприятном исходе процесса установления истины (это – обвиняемый, подозреваемые, их близкие и пр.).

Кроме того, на ситуацию, складывающуюся в ходе расследования, опосредованно оказывают влияние и лица, состоящие в определенной степени родства или близости с конкретным участником уголовного судопроизводства. Именно их настрой, степень заинтересованности в исходе дела (в том числе, материальная), подверженность неправомерному воздействию являются подоплекой

разногласий, причиной позиции, занимаемой субъектами уголовно-процессуальных отношений, идущей вразрез с интересами правосудия.

При исследовании виктимологической характеристики потенциальных жертв посткриминального воздействия нельзя не обратить внимание на то, что вероятность осуществления посягательства на представителей стороны обвинения возрастает в силу различных факторов: как объективных обстоятельств, связанных с проведением уголовного судопроизводства, так и их субъективных качеств, в том числе наличия тех или иных положительных свойств, присущих личности. Так, например, вероятность насильственного посягательства возрастает в отношении фигуранта по делу с устойчивой гражданской позицией, не склонного к компромиссам с лицами, заинтересованными в неблагоприятном исходе расследования по делу¹.

При этом, становясь свидетелем, человек больше теряет, чем приобретает. Вставая на чью-то сторону при даче показаний, он всегда влияет на судьбу, жизнь, состояние других людей. Посредством этого данный участник уголовного судопроизводства часто портит отношения с людьми или наживает врагов, создавая проблемы себе, своей семье, как минимум тратит свое личное время, участвуя в различных действиях правоохранительных органов. Здесь уместен вопрос: а что же он приобретает взамен? Как ни банально это звучит, ответ лишь один: чувство исполненного долга перед самим собой².

Для успешной борьбы с противодействием расследованию, которое осуществляется посредством дачи заведомо ложных показаний, отказа от дачи показаний, следует, прежде всего, выявлять причины, побудившие участника уголовного судопроизводства занять позицию, идущую вразрез с требованиями закона. В этих целях необходимо выяснять истоки конфликта, а значит, обращаться к базовым потребностям человека, в частности, таким, как безопасность, любовь к ближним, самоуважение, обостренное чувство справедливости и пр. Именно посткриминальное воздействие (в том числе и потенциальная возможность психического, физического насилия

¹ См.: Волошина О. П. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений против правосудия, совершаемых в отношении свидетелей и потерпевших: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 21.

² См.: Жилияев А. И., Данилин С. Н. Актуальные проблемы защиты свидетелей // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М., 2002. С. 102.

как следствие содействия раскрытию и расследованию преступления) является одной из основных причин дачи заведомо ложных показаний, отказа от дачи показаний свидетелями и потерпевшими.

Если ранее основную массу привлеченных к уголовной ответственности за лжесвидетельство (свыше 80 %) составляли участники уголовного судопроизводства из ближайшего окружения обвиняемого¹, то на данный момент субъектами дачи заведомо ложных показаний все чаще выступают лица (74,5 %), которые даже не были знакомы с подследственным и до определенного момента не имели намерения способствовать ему в избежании наказания. Отчасти это свидетельствует о противозаконных контактах, имеющих место между представителями сторон, занимающими противоположные позиции в ходе расследования по делу, незащищенности участников уголовного судопроизводства от воздействия заинтересованных лиц: просьб, уговоров, угроз, физического насилия и т. п.

Работа по изучению и обобщению следственно-судебной практики позволила выделить основные причины противодействия расследованию со стороны потерпевших и свидетелей, которые были сведены в табл. 1.

«Жертва посткриминального воздействия» – собирательное понятие, которое значительно шире понятия «потерпевший по делу»; если «потерпевший» – это уголовно-процессуальная категория, которая находится в прямой зависимости от правовых последствий вреда, то «жертва» – понятие виктимологическое, независимо от того, признано ли лицо в установленном законом порядке потерпевшим или нет. Посткриминальное воздействие может быть оказано на любого фигуранта, независимо от наделения его уголовно-процессуальным статусом, важен сам факт содействия или намерения содействовать в раскрытии и расследовании уголовно наказуемого деяния и изобличении лиц, его совершивших.

Так, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, являющаяся международным правовым актом, который посвящен проблемам безопасности лиц, подвергшихся неправомерному воздействию, дает расширенное толкование жертвы преступления.

¹ См.: Ратинов А. Лжесвидетельство и борьба с ним // Соц. законность. 1974. № 5. С. 31.

Таблица 1

Причины противодействия расследованию

Причины дачи заведомо ложных показаний и отказа от дачи показаний потерпевших и свидетелей		Результаты анализа, полученные в ходе:		
		интервью следователей (%)	интервью потерпевших (свидетелей) (%)	изучения уголовных дел (%)
1	Уговоры, родственные, товарищеские чувства	49	55	63,8
2	Угрозы, исходящие от заинтересованных лиц, а соответственно, сомнение в том, что правоохранительные органы могут осуществить действенную защиту	41	79	37,2
3	Подкуп	32	14,3	2,8
4	Преступная солидарность	35,7	4	10,1
5	Нежелание быть участником уголовного процесса	33	21	13,3
6	Попытка из гуманных соображений смягчить участь обвиняемого	21,8	51	46,3
7	Негативное отношение к правоохранительным органам	16,2	5	7,3

Окончание табл. 1

8	Трусость, ревность, зависть, месть	13,7	–	–
9	Служебная (материальная) зависимость от обвиняемого или его близких	12	12	2,8
10	Неблаговидные действия потерпевшего или свидетеля	11,7	–	–
11	Иные	0,5	–	0,9

Под термином «жертва» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего национальные уголовные законы.

Необходимо учитывать, что посягательство на участников уголовно-процессуальных отношений и иных лиц осуществляется с целью воспрепятствовать началу содействия правосудию, принудить к прекращению содействия и (или) отомстить за оказанное содействие. Взяв за основу назначение и характер процессуальной и внепроцессуальной деятельности участников уголовно-процессуальных отношений и иных лиц, деление на группы круга лиц, подвергшихся посткриминальному воздействию, может быть представлено в следующем виде:

– лица, осуществляющие производство по делу или содействующие отправлению уголовного судопроизводства в силу своего служебного (должностного) положения (следователь, дознаватель, оперативный работник, прокурор, судья, присяжные заседатели и др.);

– лица, обладающие доказательственной информацией по делу:

а) до придания им процессуального статуса – заявитель, жертва преступной деятельности, очевидцы происшедшего;

б) на момент вступления в уголовный процесс – потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые, подсудимые;

– лица, способствующие получению новых доказательств по делу в силу своей профессиональной деятельности или обладания определенными навыками (эксперты, специалисты);

– лица, вовлеченные в уголовный процесс для осуществления вспомогательной (удостоверительной) функции (понятые, переводчики и др.);

– лица, не обладающие доказательственной информацией по делу или получившие ее опосредованно, но вовлеченные в процесс для выполнения определенных уголовно-процессуальных функций (защитник, гражданские истцы и гражданские ответчики, их представители, представители потерпевших и др.);

– лица, оказывающие помощь в борьбе с преступностью посредством негласного сотрудничества с оперативными аппаратами;

– лица, не имеющие прямого отношения к делу, но в силу родственных, дружеских отношений вовлеченные в сферу посткриминального воздействия (это родственники, близкие люди тех лиц, что перечислены выше).

Рассматривая вопрос о классификации жертв неправомерного воздействия, следует отметить, что в отдельных литературных источниках¹ выделяются самостоятельные классификационные группы независимо от роли, выполняемой в уголовном процессе. Так, особой заботы требует защита лиц, которые в силу своего возраста, физических или психических недостатков либо иных функциональных расстройств не могут самостоятельно отстоять свои права. Известны случаи лишения жизни малолетних детей, лиц преклонного возраста и других беспомощных свидетелей, которые обладали доказательственной информацией о конкретном преступлении или находились в близком родстве с источником доказательственной информации по делу.

Пример убийства подростка в целях сокрытия совершенного преступления приведен в одной из работ И. С. Федотова: *Малолетний К., будучи невольным очевидцем убийства его сестры любовником матери Г., пытался скрыться; это ему не удалось. В результате Г., стремясь избежать наказания за совершенное деяние, нане*

¹ См.: Сарсенбаев Т. Е. Теория и практика охраны прав и законных интересов беспомощных жертв преступления в досудебном производстве. М., 2005. С. 412–413.

К. (потенциальному свидетелю) три удара по голове гаечным ключом, причинив телесные повреждения, не совместимые с жизнью¹.

Лица с психическими отклонениями и иными функциональными расстройствами представляют собой особую категорию жертв посткриминального воздействия: означенное состояние ограничивает их возможность оказывать активное сопротивление насилию. Исследования в области судебной психологии показали, что лица, находящиеся в беспомощном состоянии, как правило, любую ситуацию, преодоление которой требует дополнительных усилий (физических, психологических, эмоциональных), оценивают как безвыходную. Подобная оценка, парализуя волю жертвы преступления, является одной из причин, снижающих способность лица оказывать сопротивление виновному. Индивид часто попадает в полную зависимость от травмирующей психику ситуации.

В отношении лиц данной категории следственно-судебной практике известны своеобразные формы воздействия. Наиболее действенными из них можно назвать: преследование человека при посещении общественных мест, сопровождаемое устрашающей мимикой и (или) жестикуляцией; убийство мелких животных, птиц и подбрасывание их под входную дверь; разрисовка с использованием специфической символики входной двери в квартиру; выполнение надписей на стенах в подъезде, содержащих двусмысленную информацию для адресата, и пр.

В соответствии с тематикой исследования интерес представляют лица, обладающие доказательственной информацией по делу, и их близкие. Именно они в основном подвергаются угрозам и физическому насилию: потерпевшие – в 65 % случаев, свидетели – в 41 % случаев; т. е. это та категория участников уголовного судопроизводства, которые, обладая доказательственной информацией о преступлении и лицах, его совершивших, представляют для виновных реальную угрозу. В число жертв посткриминального воздействия попадают и субъекты, не обладающие соответствующей информацией по делу, но находящиеся в близких отношениях с потерпевшими или свидетелями (28 % случаев).

¹ См.: Федотов И. С. Расследование детоубийств. М., 2003. С. 13–14.

Противоправная деятельность фигурантов, заинтересованных в неблагоприятном исходе расследования по делу, не ограничивается воздействием лишь на участников уголовного судопроизводства. В отношении отдельных лиц посткриминальное воздействие осуществляется превентивно: до возбуждения уголовного дела, а также в процессе расследования, когда источник доказательственной информации не получил процессуального статуса (потерпевший, свидетель), до момента процессуального закрепления его показаний. По нашим данным, постпреступное воздействие осуществляется в отношении 14 % жертв преступной деятельности и 8 % случайных очевидцев происшедшего во временной промежуток с момента совершения преступления до предоставления лицу возможности дать показания по существу дела.

Посягательство на данную категорию лиц в целях дачи заведомо ложных показаний, изменения или отказа от ряда изобличающих виновного фактов, изложенных в ранее данных показаниях, имеет место обычно по тем уголовным делам, где доказывание строится преимущественно на их показаниях, а, следовательно, ограниченность доказательственного материала придает особое значение полученной информации. Способы воздействия при этом носят самый различный характер: они могут быть реализованы посредством как действий, нашедших отражение в уголовном законодательстве, за что лица, их осуществляющие, могут быть подвергнуты уголовному преследованию (так, в частности, психическое насилие в отношении участников уголовного процесса и их близких реализуется посредством угроз лишения жизни – 76 %, уничтожения или повреждения имущества – 28 %, разглашения компрометирующих материалов – 9 %, возможных неприятностей по службе – 6 % и др.), так и не попадающих в разряд уголовно наказуемых деяний (угрозы, просьбы, попытки вызвать жалость и пр.).

В ряде случаев, когда показания отдельных участников уголовного судопроизводства создают реальную угрозу для виновного быть осужденным на длительный срок лишения свободы, потерять свой социально-политический, экономический, деловой, материальный статус, используются такие средства воздействия, как убийство (ключевые фигуры устраняются посредством «отстрела», взрывов, организацией автокатастроф и пр.). По ориентировочным данным, ежегодно у нас в стране бесследно «таинственным обра-

зом исчезают» порядка 200 человек, осведомленных о преступлениях и представляющих опасность для тех, кто их совершил; косвенно это подтверждается анализом статистических отчетов о преступности. Так, в частности, в конце 90-х гг. прошлого века в Москве и Рязани были выявлены организованные преступные группы, специализировавшиеся в том числе на совершении «заказных» убийств добросовестных свидетелей стороны обвинения.

В качестве примера приведем дерзкое разбойное нападение, совершенное в дневное время на квартиру режиссера киностудии им. М. Горького, Президента Ассоциации по защите конституционных прав и свобод граждан Гакахия. Двоих участников нападения установить не представилось возможным, а третий – Конджария – за совершенное деяние был приговорен к 7 годам лишения свободы. В ходе рассмотрения поданной кассационной жалобы по делу состоялось еще два судебных процесса, на протяжении которых «по заказу» были убиты двое основных свидетелей: таксист, подвозивший преступников к дому Гакахия и отвозивший их после совершения преступления, и главный свидетель обвинения. В результате Конджария, будучи освобожден из-под стражи, скрылся от суда¹.

В частности, А. А. Корчагин, занимаясь проблемами раскрытия и расследования убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола, оперирует статистическими данными, согласно которым 13 % раскрытых преступлений осуществлялось в целях сокрытия другого, ранее совершенного убийцей уголовно наказуемого деяния (изнасилования, ограбления)².

Проведенное исследование в ракурсе рассматриваемой проблемы дает нам основание прийти к следующему выводу: противодействие расследованию посредством предоставления заведомо недостоверной информации по интересующему следствие факту далеко не всегда говорит о криминализации фигуранта по делу, предубеждении в отношении правоохранительных органов или корыстных интересах, что предполагает с его стороны целенаправленные действия по введению следователя в заблуждение. Нередко заведомо ложные показания

¹ См.: Следствие ведет режиссер // Известия. 1995. 28 июня.

² См.: Корчагин А. А. Расследование убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2003. С. 14.

являются следствием принуждения, когда обвиняемый или его «представители», воздействуя на участников уголовного судопроизводства путем угроз, а порой и физического насилия, добиваются нужных для себя показаний; потерпевшие и свидетели, опасаясь за свою безопасность, жизнь и здоровье близких, вынуждены давать показания, не соответствующие действительности, или вообще «самоустраняться» от участия в уголовном процессе.

Данной категории уголовно наказуемых деяний свойственен довольно высокий уровень латентности. Отчасти это связано с тем, что не все преступные посягательства попадают в официальную статистику в силу различных причин, в том числе и в связи с неправильной квалификацией совершенного деяния (*хотя данные статистики вряд ли дают объективное представление о количестве совершаемых преступлений, квалифицируемых по ст. 309 УК РФ*).

Анализ уголовных дел (по А. И. Долговой¹) показывает, что довольно часто формулировка «неприятные личные отношения» становится практически стандартным объяснением целого ряда совершенных преступлений из-за неумения или нежелания следователя выявлять истинные мотивы. Нередко за данной формулировкой скрываются угрозы участникам уголовного судопроизводства, физическое насилие как следствие их активного содействия правосудию.

Вместе с тем и следователи не отрицают, что по факту посткриминального воздействия на лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, в форме физического насилия уголовные дела возбуждаются довольно редко. Обычно данное преступление квалифицируется по факту причинения вреда здоровью потерпевшего или уничтожения (или повреждения) имущества, а значит, и деяние не получает должной уголовно-правовой оценки (так, за последние пять лет в регионе зарегистрировано лишь 17 преступлений, возбужденных по ст. 309 УК РФ).

Обосновывая нестандартность ситуации, практические работники ссылаются на проблемы сбора первичного материала, где объяснения задержанных и очевидцев представлены примерно в следующем ракурсе: «произошло взаимное оскорбление, переросшее в драку», «ссора из-за женского внимания», «супружеская неверность» и т. д.

¹ См.: Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / под ред. проф. А. И. Долговой. М., 2004. С. 15.

Иногда подобные показания подтверждает и жертва насилия, что в принципе соответствует действительности, ведь сам факт противоправного проявления часто перерастает в выяснение межличностных отношений, каковым его воспринимает и потерпевшая сторона. По нашим данным, каждое пятое уголовное дело исследуемой категории прекращается в ходе предварительного расследования или в судебном заседании за «примирением сторон».

В случае же, когда квалификация содеянного как преступления против правосудия налицо, следователи в связи со сложностью сбора и закрепления доказательств избегают возбуждать уголовные дела по ст. 309 УК РФ, считая их «бесперспективными». Об этом заявил каждый третий из числа опрошенных должностных лиц, имевших в производстве уголовные дела данной категории. Доказать, что на участника уголовного судопроизводства было оказано посткриминальное воздействие, довольно сложно, так как оно (если не брать за основу физическое насилие или причинение материального ущерба) не оставляет материальных следов; как правило, это происходит в личной беседе или по телефону. В письменной форме угрозы реализуются крайне редко, а если это происходит, то без указания адресата, и выполнено оно с тем условием, чтобы затруднить идентификацию субъекта, исполнившего его.

В качестве одной из причин высокого уровня латентности данного вида противоправных проявлений можно выделить и то, что жертвы принуждения порой сами не желают по данному факту обращаться в правоохранительные органы. Опасаясь мести лиц, заинтересованных в неблагоприятном исходе расследования по делу, они не верят в возможность обеспечения их безопасности и безопасности их близких, сомневаются в эффективности мер защиты.

Недостаточная защищенность от противоправных посягательств побуждает их уклоняться от выполнения уголовно-процессуальных обязанностей. Об этом свидетельствуют и результаты изучения общественного мнения. Так, 79 % потерпевших и свидетелей из числа опрошенных заявили, что подоплекой противодействия расследованию явились угрозы, исходящие от заинтересованных лиц, а соответственно, сомнение в том, что правоохранительные органы могут осуществить их действенную защиту. Доминирующим для данной категории участников уголовно-процессуальных отношений является не исполнение гражданского долга в деле борьбы

с уголовно наказуемыми деяниями, а проявление заботы о собственной безопасности и благополучии своих близких. Это вполне закономерно и вряд ли можно оценить (или осудить) с позиции принятых в обществе постулатов морали.

В основном посткриминальное воздействие в виде угроз и насилия фигурирует при расследовании преступлений, которые относятся к категории тяжких и особо тяжких, что составляет почти 94 % от общего числа изученных в рамках исследуемой проблемы уголовных дел; 87,8 % из них совершаются в группе. В целом, по нашим данным, противоправные деяния имеют место в процессе расследования преступлений, составы которых довольно разнообразны: это грабежи и разбои (34 %), вымогательство (29 %), убийства (19 %), квалифицированное хулиганство (14 %), изнасилование и насильственные действия сексуального характера (12 %), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (11 %), кражи (7 %), мошенничество (6 %), бандитизм (5 %), организация преступного сообщества (2 %) и пр.

Среди способов посткриминального воздействия следует выделить:

- физическое насилие, вплоть до лишения жизни (22 %);
- угрозы убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением, повреждением имущества этих лиц и их близких (41 %);
- уничтожение и повреждение имущества (19 %);
- шантаж, провокации (29 %);
- распространение порочащих сведений (11,8 %);
- подкуп (32 %);
- уговоры, просьбы, стремление к примирению (49 %) и др.

Отсутствие в литературе единства мнений по проблеме объединения данных способов неправомерного воздействия в отдельные вопросы, которые возникают при исследовании оснований, взятых за аксиому в процессе их объединения, требуют более детализированного подхода к формированию классификации. Несмотря на доминирующее влияние отдельных способов воздействия на те или иные интересы, все они, будучи применены как в комплексе, так и изолированно, независимо друг от друга, рассчитаны воздействовать на психику человека. Если в ходе реализации психологических (как насильственных, так и ненасильственных) способов осуществляется непосредственное воздействие на психику жертвы, то, используя физические и материальные способы, заинтересованные лица, хотя

и стремятся нанести соответствующий ущерб (или повлиять на корыстные мотивы), при этом также воздействуют на психику участника уголовного судопроизводства, по крайней мере, опосредованно. Кроме того, все способы воздействия на одного из фигурантов по делу могут выступать в качестве средства оказания психического давления на других лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступления.

В то же время методы воздействия на добросовестного участника расследования можно поделить на щадящие и агрессивные. Применяя так называемые щадящие методы, субъект противодействия «мягко» воздействует на психику источника доказательственной информации по делу. В ходе их реализации заинтересованное лицо, апеллируя к сознанию участника уголовного судопроизводства, не вымогает у последнего определенных показаний, в его действиях отсутствует повелительный тон, здесь налицо нечто вроде предоставления «информации к размышлению». Применяя агрессивный метод, субъект делает ставку на подавление воли жертвы к сопротивлению (содействию расследованию), на формирование чувства безысходности, незащитности.

Анализируя изложенное, считаем возможным способы посткриминального воздействия в отношении участников уголовного судопроизводства и иных лиц выделить в основные группы (рис. 1).

Насилие, понимаемое как незаконное принудительное физическое и (или) психическое воздействие на человека, нарушает право граждан на личную неприкосновенность, способно причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, в том числе ограничить свободу его волеизъявления или действий.

Физическое насилие как энергетическое воздействие на органы, ткани (их физиологические функции) организма другого человека, являясь одним из самых опасных способов реализации посткриминального воздействия, предполагает причинение физических страданий, мучений, посредством которых субъект не только подавляет волю добросовестного участника уголовного судопроизводства, но и может привести к последствиям, опасным для жизни и здоровья жертвы, а то и служить причиной смерти, увечья. Здесь могут применяться убийства, избиения, пытки, истязания, лишение пищи и пр.

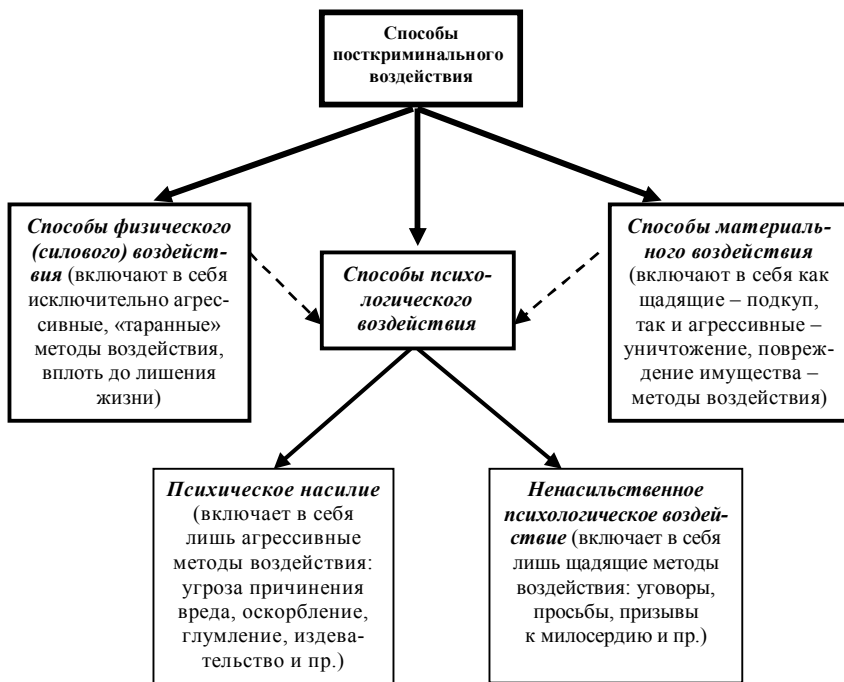

Рис 1. Способы посткриминального воздействия в отношении участников уголовного судопроизводства

При психическом насилии фигурантом делается ставка на то, чтобы показать свое превосходство, презрение к жертве, равнодушие к возможным неблагоприятным для нее последствиям. Самым распространенным психическим фактором является угроза причинения вреда.

Угроза здесь занимает особое место: она может быть направлена не только на то, чтобы парализовать волю участника уголовного судопроизводства, склонить к нежелательному поведению, но и дать жертве временной промежуток для «размышления» о последствиях содействия правосудию (объектом воздействия уже выступает и спокойствие фигуранта по делу), а также продумать линию поведения на следствии в пользу виновного в совершении уголовно наказуемого деяния (если не предложен «готовый сценарий»). Смысл дан-

ного воздействия сводится к подавлению воли жертвы, оказанию существенного влияния на ее поступки и решение, что в итоге является гарантией достижения преступного результата.

Так, по факту совершенного вымогательства предприниматель М. был признан потерпевшим. Во время передачи затребованной «за крышу» денежной суммы подозреваемые были задержаны, а затем арестованы. Однажды, возвращаясь после работы, потерпевший обнаружил, что дверь, ведущая в его квартиру, вымазана масляной краской бурого цвета. В эту же ночь М. проснулся от телефонного звонка: незнакомый голос потребовал от него принести «публичные извинения» за свои «неосмотрительные» действия, имея в виду избличающие обвиняемых показания. В противном случае дверь квартиры будет «пропитана» уже не краской, а бензином – «зажженный фитиль в придачу». В результате М., опасаясь за безопасность своей семьи (он имел двоих малолетних детей), в ходе проведения очных ставок отказался подтвердить ряд фактов, избличающих обвиняемых в совершенном преступлении¹.

Как средство, побуждающее к исполнению предъявляемых требований, угроза оказывает на лицо соответствующее психическое воздействие при следующих условиях:

- ей должен быть присущ информативный характер выражения вонне (устно, письменно, посредством жестов и пр.);
- она должна иметь конкретное содержание (субъектом обозначается, как правило, перечень тех благ, которым может быть причинен вред);
- выглядеть реальной, восприниматься адресатом как вполне осуществимая, при том, что может быть и завуалирована;
- быть направлена в отношении конкретного лица (а если группы лиц, то доведена до сведения каждого из них, возможно, опосредованно);
- может касаться не только самого участника уголовного судопроизводства, но и близких или иных лиц, благополучие которых индивиду небезразлично;
- должна восприниматься жертвой именно как следствие содействия уголовному судопроизводству.

¹ См.: Уголовное дело № 1–139/07 // Архив Октябрьского районного суда г. Пензы.

Именно поэтому в рассматриваемом ракурсе данный способ насильственного психического воздействия обладает такими признаками, как: противоправность; насилие над волей жертвы; наличие, как правило, временного промежутка для осмысления поступившего «предложения»; доведение до адресата письменно или устно (возможно использование третьих лиц); явный или скрытый (завуалированный) характер; как правило, категоричность формы выражения, исключающая альтернативу; создание таких условий, при которых у жертвы имелись бы все основания опасаться реализации этой угрозы.

Однако психическое насилие вряд ли можно отождествлять только с угрозой. В юридической литературе к нему также относят распространение информации, унижающей человеческое достоинство жертвы и способной причинить ей психическую травму, не менее серьезную, чем информация угрожающего характера. Психическим насилием предлагается признавать и сообщения «шоковой» информации (о смерти близкого, демонстрация потерпевшему сцен насилия над лицами, которые ему дороги, и т. п.). Возможно оно и путем такого энергетического воздействия на органы и ткани индивида, при котором происходит опосредованное воздействие на его психику, исчерпывающееся психической травмой и не влекущее причинения общественно опасных физических последствий (плевков в лицо, пощечина, срезание косы и т. п.)¹.

Некоторые авторы указывают и на иные формы реализации психического насилия: использование специфических методов психиатрии и психотерапии, звуковых высокочастотных генераторов, гипноза, эффекта «зомби» для воздействия на психику человека в целях управления им и т. п.² В ходе подбора эмпирического материала эти методы воздействия выявлены не были. Известно лишь, что разведывательные и военные службы ряда стран давно пытались и продолжают разрабатывать методы, позволяющие установить контроль над психикой человека.

Ненасильственное психологическое воздействие, хотя, как правило, и не влечет за собой вышеуказанных последствий, однако самым

¹ См.: Шарапов Р. Д. Преступное насилие. М., 2009. С. 212–213, 215–216; и др.

² См.: Иванова В. В. Преступное насилие. М., 2002. С. 35–36.

непосредственным образом может повлиять на выяснение обстоятельств по делу, перспективу расследования уголовно наказуемого деяния в целом и его рассмотрения в суде, а соответственно, реализацию принципа неотвратимости наказания.

Важной психологической характеристикой действий лиц, заинтересованных в неблагоприятном исходе расследования, выступает выбор объекта воздействия, т. е. вычленение наиболее «слабого звена». Здесь учитываются не только его социальные установки, ценностные ориентации, следование определенным принципам, но и степень родства, подверженность состраданию, сопереживанию и т. д.

Известны случаи, когда лица, состоящие в родстве с обвиняемыми, в целях освобождения от ответственности или смягчения наказания обращались с просьбой к родителям потерпевших о снисхождении к их близким. Предполагая негативное отношение к самому противоправному деянию и, безусловно, личности, совершившей его, «просители» в целях нивелирования четко выраженных неприязненных отношений изыскивали возможность для непосредственного контакта с представителями потерпевшей стороны, имея намерение оказать на них соответствующее воздействие.

Так, основная тактика действий матери С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, была построена именно на взывании к материнским чувствам законного представителя одного из потерпевших. «Случайная встреча» в магазине закончилась совместным чаепитием, в ходе которого житейский разговор между односельчанками сопровождался обычными севаниями женщин на «судьбу-злодейку». Мать обвиняемого С., придерживаясь линии поведения, разработанной на семейном совете (используя так называемые «вопросительно-просительные» формы как способ языкового воздействия на собеседника), сопровождала беседу вопросами примерно следующего содержания: «Ты, как мать, можешь меня понять. Не так ли?», «А как бы ты поступила на моем месте?», «Разве тюрьма кого-то исправляла?», «Представляешь, какой он вернется из мест лишения свободы?» и т. д. Не всякая мать может выдержать подобный напор, сопровождаемый слезами и причитаниями. Так было и в этом случае: мать несовершеннолетнего потерпевшего обещала содействие «по мере

сил». Результат не замедлил сказаться в негативном плане на процессе выяснения обстоятельств по делу¹.

В данном случае использован метод, рассчитанный на некритическое восприятие сообщения объектом воздействия; воздействие было ориентировано не на рассудок, а на эмоциональную сферу. В подобной обстановке объект был не в состоянии самостоятельно оценить смысловую направленность обращенного к нему текста. В целом означенное не нуждается в доказательствах и логике и предполагает не согласие индивида с высказанным суждением, а простое принятие информации без активного и целенаправленного анализа. Налицо представлено ослабление действия сознательного контроля, осуществляемого объектом воздействия в отношении информации², которая была им воспринята через призму материнских чувств и переживаний.

Ненасильственное психологическое воздействие может иметь место и без непосредственного словесного контакта с лицом, в отношении которого оно реализуется. Порой субъекты посткриминального воздействия посредством жестов, мимики, создания соответствующей обстановки и т. д., не обращаясь к угрозам или насилью, достигают не меньшего эффекта. Используя невербальные средства общения, они рассчитывают на восприятие объектом воздействия действительности в негативном для него и его близких плане, тем самым непосредственным образом влияют на душевное равновесие, спокойствие индивида.

Так, в одной из газетных публикаций в средствах массовой информации приводится подобный случай из следственно-судебной практики, когда (после заявления в правоохранительные органы об имевшем место в отношении ее вымогательстве) рядом с домом потерпевшей стали постоянно находиться два автомобиля с «мрачноватыми личностями». Последние ничего не требуют, ничего не говорят, лишь, когда мать или брат потерпевшей выходят на улицу, провожают их взглядом³.

¹ См.: Уголовное дело № 1–15/05 // Архив Благовещенского районного суда Республики Башкортостан.

² См.: Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика. М., 2005. С. 125.

³ См.: Артемьев С. Что может РУОП? // Неделя. 1995. 30 июля.

Рассматривая в качестве метода воздействия материальные способы, следует признать, что во все времена материальный стимул играл и продолжает играть заметную роль в жизни общества и конкретного индивида, в частности. Человеку свойственно стремление к достатку, материальной независимости, самостоятельности. Именно эта «слабость» берется в расчет заинтересованной стороной, когда возникает необходимость в изменении линии поведения добросовестного участника уголовного судопроизводства на следствии. Означенное может быть реализовано как посредством уничтожения (повреждения) имущества, так и предложения лицу определенных материальных благ, как правило, в денежном выражении.

При посягательстве на целостность имущества право собственности особого значения не имеет. Объект посягательства может принадлежать на правах собственности как участнику уголовного судопроизводства (или находиться в долевом владении), так и иному лицу, не имеющему непосредственного отношения к процессу выяснения обстоятельств по делу. Цель субъекта неправомерного воздействия – это вычленение объекта посягательства, реализация преступного умысла в отношении которого (уничтожение или повреждение имущества) будет далеко не безразлична для лица, чьи показания ложатся в основу доказательственной базы по делу. Субъектами неправомерного воздействия четко улавливаются, как ранее бы сказали, «частнособственнические интересы» индивида. Неэффективный механизм ныне действующей компенсации материального ущерба¹ в случае уничтожения (повреждения) имущества является одним из побудительных мотивов противодействия расследованию со стороны ранее законопослушного гражданина.

Противоправное воздействие, затрагивающее материальные интересы участника уголовного судопроизводства, не ограничивается лишь нанесением ему реального ущерба посредством уничтожения или повреждения имущества. В случае подкупа берется в расчет все то же стремление человека к достатку; для индивида налицо градация ценностей: что для него более выгодно (не будем развивать

¹ По действующему законодательству возмещение ущерба производится только при наличии приговора суда, вступившего в законную силу, т. е. после раскрытия преступления и изобличения виновного в совершенном уголовно наказуемом деянии.

мысль о «развращении» личности рыночными устремлениями сегодняшнего дня). Означенная противоправная деятельность может быть реализована как посредством передачи заранее оговоренной денежной суммы или прав на имущество, так и предоставлением услуг или выполнением работ имущественного характера (путевка в санаторий, ремонт квартиры, автомашины, решение вопроса о поступлении детей в престижный вуз и пр.).

Своеобразным «стимулом» здесь является ситуация, когда заинтересованная сторона совместно с объектом воздействия прорабатывает такую линию его поведения на следствии, которая отвечает интересам виновного в совершенном уголовно наказуемом деянии.

В практике расследования преступлений встречаются случаи, когда потерпевшие (свидетели) в результате неправомерного воздействия со стороны заинтересованных лиц не просто изменяют показания в сторону смягчения вины подозреваемого, но и предоставляют заранее спланированную и обдуманную целостную систему сведений и доказательств, кардинально изменяющих юридическую формулу обвинения или исключаящих уголовное преследование вообще, причем увязанную с ранее полученными следствием данными. Свидетельствующими «логично» объясняются причины появления первоначальных, якобы не соответствующих действительности показаний, мотивы дачи новых и пр. В их основу закладывается «легенда», которая, будучи, как правило, разработана с участием специалистов в области права (как правило, посредством вовлечения в данный процесс адвокатов-защитников, работавших в свое время в следственных подразделениях), в основе довольно близка к ситуации, произошедшей на самом деле, лишь в своей сути оправдывая или обличая конкретное лицо.

Анализ практики показывает, что на первоначальном этапе неправомерное воздействие на свидетелей и потерпевших выражается, как правило, в виде уговоров, посредством которых заинтересованная сторона стремится к примирению с потерпевшим, довольно часто с предложением «взаимовыгодных услуг»; об этом свидетельствует каждое третье из изученных уголовных дел.

Однако неправомерное воздействие редко ограничивается одним способом. К участникам уголовного судопроизводства в случае их несогласия фигуранты применяют два способа и более, комбинируя порой, казалось бы, взаимоисключающие (предложения материальных

выгод и угрозы уничтожения имущества, уговоры, просьбы и физическое насилие и пр.), которые нередко рассчитаны с перспективой на довольно длительный временной период. Такие действия предпринимались в отношении практически каждого четвертого участника уголовного судопроизводства из числа тех, что подверглись посткриминальному воздействию.

Следует отметить, что в современный период прослеживается четко выраженное увеличение количества наиболее опасных способов неправомерного воздействия. По своей юридической природе воздействие посредством психического и физического насилия является специальным видом подстрекательства, в процессе которого субъект не только сам совершает действия, нарушающие порядок правосудия, но и оказывает соответствующее влияние на лиц, содействующих уголовному судопроизводству. Хотя во времена так называемого «развитого социализма», судя по проведенным исследованиям¹, насилие над личностью как способ получения желаемых показаний почти не применялось.

Необходимо заметить, что воздействие может быть оказано как на отдельно взятое лицо, так и в отношении сразу нескольких участников уголовного судопроизводства. *Так, в ходе предварительного расследования по делу об убийстве было установлено, что во время застолья в результате возникшей ссоры К. неожиданно напал на С. и нанес ему несколько ножевых ударов, после чего тот скончался на месте. Однако, спустя некоторое время, все трое основных свидетелей обвинения одновременно изменили первоначальные показания одинаковым образом, заявив, что инициатором драки выступал потерпевший, набросившись на К. с кочергой. Окончания потасовки они якобы не видели, «отключившись» под действием спиртного; это же подтвердили и в суде. В ходе расследования по факту дачи ложных показаний было установлено, что изменить показания свидетелей заставили лица из окружения К., пригрозив им расправой»².*

Однако нельзя не учитывать и то, что воздействие на отдельных добросовестных участников уголовного судопроизводства

¹ См.: Ратинов А. Р., Адамов Ю. П. Лжесвидетельство. М., 1976. С. 41.

² См.: Уголовное дело № 1–179/08 // Архив Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда.

не ограничивается лишь требованиями лжесвидетельства в пользу виновного в совершении уголовно наказуемого деяния. Так, характерен пример из следственно-судебной практики, когда некто В., находясь в розыске за совершение разбойного нападения, зная о возбуждении в отношении его уголовного дела, подкараулил возле дома свидетеля обвинения К. и под угрозой расправы потребовал от него изменить показания. Суть требований, в частности, заключалась и в том, чтобы свидетель взял вину В. на себя и «признался» в совершении разбоя. Получив отказ, последний применил в отношении К. физическое насилие¹.

Выбор субъектом преступления того или иного способа принуждения во многом определен степенью уязвимости потенциальной жертвы (неблаговидный характер отдельных фактов биографии), ее восприимчивости к тем или иным методам воздействия, целью, которую преследует «заказчик», способностями воздействующего лица (умение расположить к себе, обладание значимой информацией об объекте воздействия, личные установки исполнителя и пр.). Идет так называемая градация по степени устойчивости перед психическим и физическим насилием. Здесь же принимаются в расчет психологические характеристики жертвы, уровень ее правовой культуры (знание нормативно-правовой базы, убежденность в правоте своих действий создают дополнительные препятствия постпреступному посягательству), правовой нигилизм и пр.

Изучая психологию жертвы, пытаясь проникнуть в ее внутренний мир, нетрудно понять, чем она часто руководствуется, когда игнорирует такой важный принцип восстановления нарушенных прав, как обращение за помощью в правоохранительные органы (в основном это касается мужчин). Здесь налицо чувство собственного достоинства, самолюбие, которое, будучи истолковано превратно, играет ключевую роль. Именно мужчина очень болезненно реагирует на ситуацию, когда он бессилён что-либо предпринять, изменить в благоприятную для него сторону, хотя бы в свою защиту. Данная проблема усугубляется еще и тем, что о его «слабости» становится известно не малой группе людей из числа субъектов посткриминаль-

¹ См.: Десять лет проведет в тюрьме пскович за разбой и принуждение свидетеля к даче ложных показаний. URL: <http://www.informpskov.ru/accidents/35303.html>.

ного воздействия, а довольно широкому кругу лиц в случае вступления в уголовный процесс в качестве жертвы насилия.

Воздействие на психику индивида осуществляется не обязательно посредством причинения ему лично (или его близким) физического или материального ущерба, но и в результате посягательства на личную неприкосновенность и материальное благополучие одного из участников уголовного судопроизводства, совместно с которым тот активно содействовал установлению истины по делу. Так, например, убийство свидетеля не ограничивается только мстью за показания, изобличающие обвиняемого в совершенном деянии, или возможностью устранения из уголовного процесса одного из представителей стороны обвинения. Данное тяжкое преступление, которому присущ большой общественный резонанс, является и своеобразным предостережением, «устрашающим назиданием» для других добросовестных участников уголовно-процессуальных отношений. Тем самым формируется специфическая ответная цепная реакция, своеобразная психологическая установка представителей стороны обвинения, неблагоприятная для расследования по делу в целом. Будучи информирован о происшедшем, фигурант (хотя ему лично и не был причинен какой-либо ущерб) начинает чувствовать себя не совсем уверенно («крайне неудобно»).

Иногда угрозы прямо не высказываются; воздействие, будучи завуалировано и проявляясь в качестве «дружеского совета», «заботы» о материальном достатке или здоровье и пр., носит настолько явный и реальный в исполнении характер, что самым непосредственным образом влияет на достоверность показаний в ходе расследования и судебного разбирательства по делу. *Так, выступая в качестве свидетеля по факту разбойного нападения, К. на предварительном следствии дала правдивые показания. Однако в суде изменила их, отказавшись от ряда изобличающих подсудимых фактов. Причиной лжесвидетельства послужила завуалированная угроза со стороны близких обвиняемого Г., когда те в «беседе» с К. о судьбе обвиняемых «посетовали», что ее сын довольно часто задерживается на работе допоздна, а «на улицах города хулиганят»¹.*

¹ Уголовное дело № 1–197/05 // Архив Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия.

В какой-то мере оправдано утверждение о том, что распространение посткриминального воздействия обусловлено тенденцией все большего участия в уголовном судопроизводстве женщин и несовершеннолетних¹.

Как показывают результаты проведенных исследований, при совершении насильственных преступных посягательств на детей подросткового возраста и женщин не часто используются какие-либо специально приспособленные орудия и средства. Это обусловлено прежде всего тем, что жертва посягательства, по мнению насильника, заведомо слабее его. При анализе уголовных дел и оперативных материалов, проведенном И. С. Федотовым², им не было выявлено ни одного случая умышленного убийства ребенка с помощью огнестрельного оружия, взрывчатого вещества или взрывного устройства и пр. В тех же случаях, когда виновные применяли какие-либо средства для совершения насильственных преступных посягательств, они не отличались технической сложностью и не требовали особого труда для их приискания и приспособления для использования в качестве орудий посягательства.

В целом увеличение случаев посткриминального воздействия мало зависит от пола и возраста участников уголовного судопроизводства и уж никак не является закономерностью.

Постпреступное воздействие может осуществляться не обязательно только в отношении участника уголовного процесса; порой вполне достаточно быть членом его семьи или входить в близкое окружение. Не редкость, когда угрозы не действуют в отношении «несговорчивого» свидетеля стороны обвинения (он их просто игнорирует), но опасения за благополучие и спокойствие тех, кто ему дорог, кардинально меняют благоприятно складывающуюся следственную ситуацию. Во многом означенное определяется наличием у фигуранта по делу семьи, близких ему людей, особенно несовершеннолетних и лиц престарелого возраста. Тем более, когда заинтересованные в исходе

¹ См.: Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001. С. 21–23.

² См.: Федотов И. С. Особенности способа совершения насильственного преступленного посягательства на малолетнего ребенка // Рос. следователь. 2007. № 19. С. 2–3.

дела лица располагают сведениями о месте жительства, работы, учебы и пр. членов семьи последнего и угрожают их использовать для реализации преступного умысла.

Характеризуя посткриминальное воздействие со стороны членов организованных преступных группировок, обращает на себя внимание тот факт, что в первую очередь возникает необходимость защиты от него не самих жертв преступлений, а их детей. Именно они являются «ахиллесовой пятой» каждого из содействующих уголовному судопроизводству, т. е. наименее защищенной частью общества как в правовом, так и физическом смысле.

Существенную роль здесь играет быстрое и качественное расследование преступления. В своей основе пик интенсивности воздействия на участников уголовного судопроизводства приходится на период предварительного расследования и период, предшествующий судебному разбирательству, как правило, до проведения основных следственных действий с участием свидетеля и (или) потерпевшего, закрепляющих в процессуальной форме показания этих лиц. Практические работники, в свою очередь, отмечают, что физически устраняют тех фигурантов, которые еще не успели сообщить информацию, имеющую доказательственное значение по делу.

Следователь должен усвоить простую истину: чем больше времени проходит с момента совершения преступления до рассмотрения дела в суде, тем больше возможностей у заинтересованных лиц для оказания соответствующего влияния и «обработки» участников уголовного судопроизводства. Так, основная масса изученных уголовных дел, оконченных производством по ст. 307 УК РФ (89,5 %), возбуждена в отношении потерпевших и свидетелей, первичные показания которых содержали достоверную информацию. На это же обстоятельство, как последствие волокиты при расследовании по уголовным делам, указывают и практические работники (38,7 % из числа опрошенных).

В правоприменительной практике последних лет участились факты неправомерного воздействия в отношении подследственных, осознавших свою вину и деятельно раскаивающихся (содействующих предварительному расследованию или изъявивших подобное желание). Соответственно, понятие «жертва преступного воздействия» включает в себя не только потерпевших от имевшего место правонарушения (заявителей) и свидетелей (очевидцев происшедшего),

но и обвиняемых (подозреваемых), которым свойственно деятельное раскаяние и активное содействие следствию, а также их близких. Воздействие в отношении означенной категории лиц составляет порядка 9 % случаев от общего количества преступлений посткриминального характера.

Особым случаем является осуществление воздействия в отношении члена организованной преступной группы, который, будучи вовлечен в уголовный процесс в качестве подозреваемого (обвиняемого), становится опасным для сообщников. Ситуация усугубляется обстоятельством, когда он является основным или единственным источником доказательств. *Так, в ходе расследования ряда убийств в г. Йошкар-Оле, совершенных бандитской группировкой, было выявлено, что конспирация и пресечение утечки информации о ее деятельности поддерживались посредством жестоких карательных мер не только в отношении свидетелей стороны обвинения, но и членов группировки. Даже находясь в СИЗО, одна из обвиняемых периодически получала от главаря группировки записки с угрозами в ее адрес в случае дачи показаний, изобличающих соучастников преступной деятельности¹.*

Первостепенную роль здесь играют причины, а именно: содействие или даже высказанное намерение, желание содействовать уголовному судопроизводству, когда позиция, занятая обвиняемым на следствии, противоречит интересам соучастников преступной деятельности или иных лиц, противодействующих расследованию по делу. По каждому факту противоправных проявлений со стороны отдельных лиц следователь должен принимать меры по их нейтрализации и обеспечению безопасности данных участников уголовного судопроизводства.

Значение показаний лиц данной категории трудно переоценить: все чаще следователи и оперативные работники сталкиваются с преступлениями, подготавливаемыми в условиях строгой конспирации, с четким распределением ролей, консультациями лучших адвокатов (как правило, из числа бывших следователей), соответствующими мерами противодействия правоохранительным органам (разведка, контрразведка, связи во властных структурах и пр.). Чтобы были

¹ См.: Петров С. Банда (о преступлении в г. Йошкар-Оле) // Законность. 1998. № 8. С. 36.

привлечены к ответственности все виновные, от исполнителей до организаторов, необходима информация, исходящая от подследственных – непосредственных участников конкретного преступления. Важным условием сотрудничества на добровольных началах является реализация комплекса действенных защитных мер в целях обеспечения безопасности не только виновных в совершении преступления, но и их близких.

Означенное является актуальным, как правило, в ходе расследования преступлений, совершенных в составе группы, когда соучастники, оставшиеся на свободе, их родственники и близкие им люди путем физического насилия, угроз, запугивания пытаются нейтрализовать указанную категорию лиц, заставить изменить первоначальные изобличающие показания или отказаться от них. Следственной практике известны случаи физического устранения отдельных соучастников преступной деятельности («чтобы не наговорили «лишнего»), когда те отказываются прислушаться к «советам» членов преступной группы о противодействии расследованию.

Так, организованная преступная группа, возглавляемая ранее судимым Г., осуществила ряд незаконных экономических операций с использованием сети легальных и фиктивных коммерческих структур. Чтобы скрыть содеянное, преступники убили соучастника (попавшего в поле зрения правоохранительных органов и изъявившего желание сотрудничать со следствием), который заключал сделки и подписывал фиктивные документы, а затем и исполнителя убийства. Осуществляя поставленную цель (воспрепятствовать раскрытию и расследованию преступлений), члены преступной группы – санитары одной из городских больниц, расчленили трупы убитых на мелкие части и зашили их в трупы умерших больных¹.

В литературе приводятся факты доведения подследственных, которые пошли на сотрудничество с правоохранительными органами, до самоубийства. В качестве способов доведения преступного умысла до логического завершения называются попытки уничтожения близких обвиняемого, имитирование неудавшихся покушений на его детей, родителей, о которых ему становится известно через организуемые преступными группировками каналы.

¹ См.: Волобуев А. Ф. Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Гос-во и право. 2002. № 4. С. 43.

Рассматривая изложенные проблемы в их совокупности, нельзя оставлять за пределами исследования не только негативное влияние действий посткриминального характера на активность участников уголовного судопроизводства, но и последствия их воздействия на психику жертвы. Не все объекты воздействия в равной степени могут воспринимать и осознавать примененное к ним насилие; отчасти это обусловлено физическим, психическим состоянием фигуранта по делу, его жизненным опытом, характером, информативной составляющей о складывающейся ситуации и пр. (частично данную проблему мы обозначали выше). Это значит, что одна и та же информация может оказывать на разных людей разное воздействие.

Индивидуальные особенности в целом обусловлены способностью лица осознавать ранее воспринятые события и мысленно преобразовывать их (идет так называемая «игра воображения»). Представления, домыслы о наступлении негативных последствий (как фактор соотношения личностных качеств и реальной значимости опасности) жертвой посткриминального воздействия прямо пропорциональны ее информированности о возможном развитии событий в процессе содействия раскрытию и расследованию преступления. Психическое напряжение проявляется в виде тревожного ожидания, беспокойства как следствие неизвестности, неопределенности. На этом уровне, когда фигурант оценивает возникшую ситуацию как крайне неблагоприятную, ему свойственно ощущение тревоги, выражающееся в переживаниях, опасениях за личную безопасность и безопасность тех, кто ему дорог.

Состояние тревоги может быть вызвано прогнозированием возможности наступления неприятностей в результате добросовестного участия в уголовном судопроизводстве. Толчком к этому могут послужить, например, сообщения СМИ о развитии аналогичных событий, дополнительная информация, полученная жертвой в ходе расследования по делу о неблагоприятных последствиях содействия расследованию одного из участников процесса, который ей знаком, и т. д.

Угроза жизни и здоровью участников уголовного судопроизводства, а также их близких, как правило, влечет за собой стрессовые состояния, приводит к нервным срывам. На состояние стресса во многом влияет оценка ситуации объектом воздействия, а также знание им собственных возможностей преодоления негативных

факторов, способности самореализации в экстремальных условиях. Так, В. А. Бодров указывает, что оценка стрессовой ситуации проходит две стадии: первая начинается, когда ситуация (реальная или воображаемая) представляет для лица определенную физическую или психическую опасность. Вторичная оценка заключается в понимании человеком того, что он не может эффективно отреагировать на эту ситуацию¹.

Результатом являются психические последствия, которые представляют собой вредные изменения в эмоциональной сфере человека в виде отрицательных психических состояний (эмоциональный стресс). Отметим, что преступления против личности, в частности угроза убийством, нанесением телесных повреждений или применением иного физического воздействия, очень часто вызывает физиологический аффект – опаснейшее последствие психического насилия, способное серьезно дезорганизовать не только психическое состояние, но и соматические процессы в организме человека².

Страх в этом случае является наиболее характерной реакцией на сложившуюся ситуацию; являясь пассивно-оборонительным рефлексом, это состояние значительно ухудшает эффективность деятельности человека вплоть до ее полной дезорганизации, негативно влияет на течение психических процессов. Состояние страха может приобретать различные формы, степени и оттенки, в частности нередко говорится о следующих негативных изменениях: возникает растерянность, плохая осознанность восприятия; наблюдается ухудшение продуктивности мышления; снижается продуктивность внимания (человеку сложно сосредоточиться), волевая активность (человеку трудно что-либо предпринять для преодоления этого состояния) и пр.

Как эмоциональное отражение опасности страх, будучи обусловлен неизвестностью ситуации, увеличивает внушаемость жертвы посткриминального воздействия, формирует ее неверие в свои силы, действует деморализующе, парализует волю к сопротивлению.

¹ См.: Бодров В. А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. Т. 17. 1996. № 4. С. 64.

² См.: Шарапов Р. Д. Понятие психического насилия в уголовном праве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Красноярск, 2005. Ч. 1. С. 227.

В целом состояние страха, безысходности может возрастать на фоне переутомления, истощения нервной системы объекта принуждения вследствие отсутствия информации о возможных благоприятных путях выхода из создавшейся ситуации.

Для жертв посткриминального воздействия независимо от процессуального положения характерно состояние повышенного уровня тревожности и, как следствие этого, дестабилизация личной психической интегрированности, нарушение социальной адаптированности. Грубое физическое воздействие, являясь сверхсильным раздражителем, вызывает нарушение психической деятельности индивида. Особенно это касается ситуации, когда фигурант по делу не допускает даже толики сомнения, что он выступает «за правое дело», стремится «к поиску и установлению истины» по делу.

На момент вовлечения в уголовный процесс жертв насилия в результате проведения отдельных следственных действий с их участием происходит повторное обращение к аффектогенным обстоятельствам, что может вызвать у индивида напряженное психическое состояние, произвольный уход в процессе дачи показаний по делу от психотравмирующих обстоятельств¹.

Лицо, будучи вовлеченным в уголовный процесс, порой так углублено в свои внутренние переживания, что оказывается неспособным правильно и всесторонне решать те задачи, которые перед ним ставит должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Если эти переживания чрезмерно интенсивны и длительны, у индивида может возникнуть и закрепиться оборонительная реакция, т. е. поведение, которое вплетается в структуру личности и искажает характер мышления, поступков и чувств.

Большинству жертв свойственны серьезные потрясения в результате противоправных деяний, предпринятых в их отношении. Несмотря на существенное различие между физическим и психическим насилием, им присуща тесная взаимосвязь. Как уже указывалось выше, любое физическое насилие всегда влечет за собой психические травмы. В то же время у части жертв неправомерного воздействия возникают проблемы со здоровьем, вызванные функциональными

¹ О подобных реакциях психики потерпевшего в ответ на грубое физическое насилие более подробно изложено М. И. Еникеевым в работе: Юридическая психология. М., 2012. С. 167–169.

расстройствами организма, что дает основание специалистам в области медицины говорить о «синдроме жертв нападения»; это требует специального лечения. Отдельные психологи отмечают, что негативное влияние неблагоприятных жизненных событий длится в среднем не менее двух лет.

У людей особо впечатлительных подобные неправомерные действия могут спровоцировать фрустрацию, которая получает толчок к своему развитию на фоне общего острого эмоционального перенапряжения, глубокого нравственно-психологического кризиса и бывает вызвана чувством безысходности, крушения жизненных планов и переосмысления ценностей. Перед добросовестным участником уголовного судопроизводства встает вопрос, требующий решения: или идти вразрез со своими определенными принципами, убеждениями, а возможно, и быть наказанным за это в уголовном порядке, или выполнить гражданский долг, но подвергнуть посредством этого опасности свое благополучие и благополучие своих близких.

Под влиянием подобных размышлений лицо, испытывая отчаяние и страх за свое будущее, стремится к выходу из создавшейся ситуации и может прибегнуть к любым средствам, лишь бы избавиться от субъективно воспринимаемого тупика. Именно неопределенность, страх за будущее в подобной ситуации, как правило, лежат в основе побудительных мотивов противодействия установлению истины по делу.

ГЛАВА II ОРГАНИЗАЦИЯ, ТАКТИКА И ПСИХОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

§ 1. Организационные моменты и тактико-психологические особенности вовлечения в уголовный процесс лиц в качестве потерпевших и свидетелей; нейтрализация посткриминального воздействия

Потерпевший и свидетель в уголовном процессе незаменимы; их показания, полученные в ходе допроса, в зависимости от полноты и достоверности отраженных в них обстоятельств, подлежащих доказыванию, самым непосредственным образом влияют на судьбу уголовного дела и способны в корне изменить перспективу его рассмотрения в суде. Не существует уголовных дел, при расследовании по которым следователь или лицо, производящее дознание, не прибегали бы к проведению данного следственного действия; «как показывает опыт, показания потерпевших и свидетелей могут составлять от 80 до 90 % всей доказательственной базы»¹.

Допрос является процессуальным средством, с помощью которого есть возможность не только получить доказательства, так необходимые для установления истины, но и проверить значительную часть информации о преступлении и лицах, его совершивших, независимо от того, получена ли она в ходе проведения следственных действий или непроцессуальным путем.

Такие участники уголовного процесса, как свидетель и потерпевший, создаются самими обстоятельствами дела, среди источников доказательств их показания занимают достойное место, поскольку базируются на личном восприятии. В силу этого данная категория лиц при отправлении уголовного судопроизводства незаменима. Выделяя важную роль свидетельских показаний, А. В. Скопинский отметил: «Свидетели – альфа и омега уголовного процесса»².

¹ Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М., 2008. URL: <http://www.ombudsman.gov.ru/doc/ezdoc/08a.shtml>.

² Скопинский А. В. Свидетели по уголовным делам. М., 1911. С. 3.

Однако все чаще следователю приходится сталкиваться с ложью в их показаниях (о чем уже говорилось выше). Разоблачение подобной линии поведения требует от должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, значительного опыта и внимания; выявление лжи в показаниях фигуранта и изобличение его в этом отчасти решают задачу по выяснению обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния.

Заметную роль в этом процессе играют выбор и успешное применение тактических приемов в ходе следственного действия, что лишает недобросовестного допрашиваемого возможности осуществить намерения по умолчанию о важных обстоятельствах по делу или исказить истину. Следователь достигает поставленной цели в том случае, если в процессе допроса не использует один излюбленный и проверенный тактический прием, а применяет их во всем многообразии, обладая умением и навыками заменять один прием другим, варьируя их, используя тактические комбинации в зависимости от складывающейся следственной ситуации.

Тактические приемы должны быть научно обоснованными, логичными, увязанными между собой, не выходить за рамки требований морали и этики, способствовать достижению поставленной цели. Они должны быть эффективными и экономичными, обладать таким свойством, как избирательность, т. е. оказывать соответствующее воздействие на лиц, обладающих искомой информацией, действительно знающих обстоятельства расследуемого преступления, и быть нейтральными в отношении тех, кто таковой информацией не располагает¹.

«Следственная практика не раз приходила к выводу о том, что некоторый способ решения какой-либо следственной задачи целесообразен всегда в определенной ситуации, независимо от вида расследуемого преступления. По этой причине время от времени такие способы законодатель делал обязательными, и тактические приемы становились правовыми предписаниями»². Но в отличие

¹ См.: Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1978. С. 63–65; Баев О. Я. Принуждение к даче показаний: криминалистический анализ состава преступления // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 232.

² Селиванов Н. А. Критерии допустимости применения тактических приемов при расследовании // Законность. 1994. № 4. С. 24.

от норм уголовно-процессуального законодательства, которые обязательны к исполнению, тактические приемы допроса (не входящие в перечень «правовых предписаний») носят для следователя рекомендательный характер, т. е. он по своему усмотрению вправе решать вопрос о действенности и, соответственно, использовании того или иного приема сообразно сложившейся ситуации.

И все же, несмотря на альтернативу следователя, применение тактического приема не должно:

- 1) унижать чести и достоинства допрашиваемого;
- 2) влиять на позицию невиновного, дабы не способствовать признанию им несуществующей вины;
- 3) оправдывать совершение преступления или приуменьшать его общественную опасность;
- 4) способствовать оговору со стороны допрашиваемого;
- 5) использовать его неосведомленность в вопросах уголовного права и процесса;
- 6) способствовать развитию у допрашиваемых низменных чувств, даче ими ложных показаний, совершению аморальных поступков;
- 7) основываться на сообщении следователем допрашиваемому заведомо ложных сведений;
- 8) подрывать авторитет правоохранительных органов¹.

Увеличение случаев угроз и физического насилия в адрес участников уголовного судопроизводства, получивших особое распространение в постперестроечный период и эпоху реформ, обостряет конфликтность между субъектами уголовно-процессуальных отношений. В результате следователю приходится «бороться» за информацию, а психологическая борьба в ходе взаимодействия сторон в обязательном порядке предполагает психологическое воздействие. Суть его заключается в том, чтобы следователь, решая поставленные перед ним задачи, одной из которых является установление истины по делу, воздействуя на психику участника следственного действия, смог убедить его отказаться от неверной позиции и дать показания, которыми он располагает по существу дела, а также в целесообразности сотрудничества со следствием, в действительности мер, которые

¹ См.: Быховский И. Е., Глазырин Ф. В., Питерцев С. К. Допустимость тактических приемов при допросе. Волгоград, 1989. С. 21.

будут предприняты правоохранительными органами в целях обеспечения его безопасности.

Поэтому, анализируя роль следователя в различных ситуациях, в литературных источниках проводится мысль о том, что в отличие от насилия правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретных действий, не вымогает показания того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию, сознательное отношение индивида к своему поведению и лишь опосредованно приводит к выбору определенной линии поведения¹. Следователь воздействует не на содержание показаний, а на мотивационную сферу допрашиваемого; существенное значение при этом имеет воздействие на антиципирующую (предвосхищающую) деятельность лица, уклоняющегося от дачи правдивых показаний².

Воздействие со стороны следователя правомерно и допустимо в том случае, когда оно законно и приемлемо с позиции нравственности. При этом он должен использовать индивидуальный подход к каждому участнику уголовного процесса, который предполагает:

а) достаточно хорошее знание объекта воздействия, его возрастных, психологических и иных особенностей;

б) установление с ним правильных, обусловленных обстоятельствами дела, обстановкой и личностными качествами, взаимоотношений;

в) учет специфики сложившейся тактической ситуации³.

В практической деятельности расследование сопряжено с большими трудностями, поскольку познание обстоятельств осуществляется ретроспективно, как правило, при весьма интенсивном противодействии заинтересованных лиц. В нашем случае психологические методы призваны блокировать (нейтрализовать) неправомерные

¹ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 2001. С. 195; Еремеев С. Г. Психологическое воздействие следователя на участников уголовного судопроизводства, его правомерность и допустимость: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. С. 12–13; и др.

² См.: Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 195.

³ См.: Хайдуков Н. П. Тактические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 15.

действия (их последствия) посредством воздействия на смысловую сферу индивида.

Преодоление противодействия расследованию связано с воздействием на «защитный центр», создаваемый сознанием участника уголовного судопроизводства при реальной угрозе его жизненному или материальному благополучию. Этот центр контролирует складывающуюся вокруг субъекта ситуацию и управляет организацией его защиты, в большей степени психологической. Следователь посредством применения разнообразных тактических приемов должен соответствующим образом воздействовать на контролируемую часть защитного центра сознания фигуранта, устраняя субъективные причины противодействия и нейтрализуя побуждающие к противодействию мотивы. Это ведет к тому, что управляющая часть защитного центра снимает препятствия вокруг сведений, следствием чего является высвобождение истинной информации по делу, получение которой – конечная цель воздействия на субъект противодействия, скрывающий информацию об имевшем место преступном деянии или дающий о нем ложные показания¹.

Для того, чтобы следователь мог решать проблемы установления истины по делу в целях преодоления противоправных установок недобросовестного участника уголовного судопроизводства и получения от него достоверной информации, он вправе и даже обязан в процессе расследования оказывать психологическое воздействие в отношении последнего. Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, указанное воздействие признают вполне допустимым и эффективным более 96 % работников правоохранительных органов.

При проведении следственного действия в условиях конфликтной ситуации его участник, выдавая ложь за истину, переживает своеобразный внутренний конфликт, в сознании происходит борьба различных чувств и мотивов, выражающаяся в решении мыслительной задачи: какая линия поведения для него наиболее благоприятна и выгодна? Недобросовестный фигурант по делу опасается

¹ См.: Кучеров А. В. Дача ложных показаний и отказ от дачи показаний в аспекте противодействия расследованию воинских преступлений // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С. 142.

быть уличенным во лжи, а соответственно, и наступления в результате этого нежелательных для него последствий.

Идет так называемая «борьба мотивов»: тенденция к сообщению информации, интересующей следствие, в этом случае противостоит не менее сильной, весомой тенденции «не вступать в общение в связи с опасением за исход взаимодействия и боязнью отрицательных оценок»¹. Именно в этот момент – момент внутренней психологической борьбы – следователь не имеет права самоустраняться от проблемы, проявлять безразличие; своими активными действиями он должен побуждать участника уголовного судопроизводства к выбору той линии поведения в ходе следственного действия, которая наиболее выгодна для установления истины по делу. Нельзя упускать такой благоприятный момент.

Несомненно, независимо от сложившейся ситуации, со стороны следователя недопустимы обман, фальсификация, игра на измененных наклонностях участника уголовного судопроизводства, провокация, психическое и физическое насилие над личностью и т. п. Необходимо уяснить, что в целом это не только противоречит критериям следственной этики (а может быть и квалифицировано как уголовно наказуемое деяние), но и нежелательно из тактических соображений. Деятельность следователя в этом направлении чревата неправыми ошибками, и самое главное – утратой взаимопонимания и доверия таких представителей стороны обвинения, как свидетель и потерпевший.

В настоящее время практика испытывает особую потребность в рекомендациях по сбору и фиксации доказательств в ситуациях, когда следственные действия приходится проводить в неблагоприятных условиях, в обстановке противоборства и конфликтов; традиционные приемы выявления и разоблачения лжи в уголовном судопроизводстве эффективны далеко не всегда. Отчасти это объясняется тем, что ранее ни криминалистика, ни следственная практика не рассматривали свидетеля и потерпевшего в качестве субъекта противодействия правосудию, а соответственно, не разрабатывалось особой следственной тактики работы с ними в подобном

¹ Филонов Л. Б. Психология развития контакта между людьми в условиях затрудненного общения: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1985. С. 22.

качестве; практика нуждается в обновлении комплекса тактических приемов и рекомендаций.

Содержащиеся в показаниях сведения представляют собой определенным образом трансформированную сознанием человека информацию о воспринятых им обстоятельствах преступления. Трансформация может происходить вне зависимости от воли и желания индивида. Однако потенциальные носители воспринятых сведений способны в отдельных случаях вполне сознательно исказить их и сообщить субъектам доказывания недостоверные, заведомо ложные фактические данные. Сведения о преступлении по своему объему и качеству содержания далеко не всегда совпадают с первоначально отразившейся в сознании таких носителей информационной моделью воспринятой ими криминальной ситуации¹.

Если в результате детализации и конкретизации показаний допрашиваемого становится очевидной ложь, следовательно необходимо принимать меры к выяснению причин лжесвидетельства, в том числе к проверке возможности оказания на него давления со стороны обвиняемого и его окружения, а тактико-психологические приемы допроса должны быть направлены на преодоление возникшей конфликтной ситуации. Здесь следовательно необходимы глубокие знания в области общей и судебной психологии, умение реализовать их на практике, чтобы вовремя обнаружить вышеуказанный настрой допрашиваемого и в результате единственно верных тактико-психологических действий вывести его из «дискомфортного состояния»; иными словами, эффективность борьбы с противодействием расследованию и нейтрализации его последствий в современной практике борьбы с преступностью обусловлена психологической составляющей.

Чтобы уловить перемену в настроении допрашиваемого и изменение отношения к делу, от следователя требуется способность понять его чувства и переживания, чутко реагировать на отдельные замечания и поступки, которые могут сигнализировать о неправомерном воздействии. Если воздействие имело место, то оно обычно отражается на поведении участника следственного действия и может быть подмечено следователем: фигурант, как правило, становится

¹ См.: Будников В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 9–10.

более сдержанным, порой даже замкнутым, ранее присущий его показаниям эмоциональный фон «тускнеет» и т. д. Другими словами, следователь, воспринимая, а соответственно, оценивая информацию, исходящую от допрашиваемого, должен решить вопрос о «помехах», которые препятствуют выяснению обстоятельств по делу.

Закон, отстаивая интересы правосудия, предусмотрел уголовную ответственность потерпевших и свидетелей за дачу заведомо ложных показаний, отказ от дачи показаний как на стадии предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства, о чем каждый из них предупреждается перед началом допроса по существу. Однако данная процессуальная фигура, находясь под воздействием угрозы расправы за дачу изобличающих виновного показаний, как правило, не столько опасается карательной функции закона, сколько претворения этой угрозы в жизнь. В подобной ситуации какое-либо принуждение (в том числе и возможность уголовной ответственности) в целях получения от свидетеля (потерпевшего) достоверных показаний по делу в части, интересующей следствие, не способно оказать необходимого позитивного воздействия.

Серьезным препятствием на пути к взаимовыгодному сотрудничеству является система психологической защиты, которая вырабатывается каждым из участников уголовного судопроизводства перед лицом реальной или воображаемой угрозы в целях обеспечения безопасности себя самого и своих близких. Без учета этих особенностей и умения управлять эмоциональным состоянием допрашиваемого (гасить вспышки гнева, выводить из глубокой депрессии лиц, испытавших непосредственно на себе угрозы, а порой и физическое насилие, как следствие содействия уголовному судопроизводству) трудно рассчитывать на полноту и достоверность показаний. Поэтому определенную роль в этом процессе играет привлечение для участия в следственном действии психолога, его консультация. При неясности занятой потерпевшим (свидетелем) позиции специалист в области следственной, оперативно-разыскной психологии помогает следователю не только выявить факты неправомерного воздействия со стороны заинтересованных лиц, но и разрабатывает рекомендации по нейтрализации последствий насилия над психикой жертвы.

Установлено, что результативность предстоящего сотрудничества во многом предопределена первым впечатлением, которое

произвела каждая из взаимодействующих сторон друг на друга. Именно о первом впечатлении А. А. Бодалев говорит как о сложном психологическом феномене, включающем в себя чувственный, логический и эмоциональный компоненты, а также те или иные особенности облика и поведения человека, оказывающегося объектом познания¹. Данный этап «знакомства» закладывает основы взаимной симпатии, доверия или способствует возникновению стойких неприязненных отношений, с учетом которых субъекты уголовно-процессуальных отношений вырабатывают своеобразную линию поведения на весь период расследования по делу.

Что касается выбора места проведения допроса, то можно рекомендовать кабинет следователя или место жительства фигуранта. В рассматриваемой ситуации допрос в ином месте (по месту работы, учебы фигуранта) довольно часто приводит к утечке сведений о лицах, вовлеченных в уголовный процесс, намерениях и планах следователя и т. д., что в целом ставит под угрозу безопасность источника информации как объект интересов следствия.

Решая задачу регулирования взаимоотношений, следует принимать во внимание и мнение индивида относительно способа его вызова к субъекту доказывания, особенно в том случае, если он не желает огласки своего участия в процессе. Крайне нежелательно, когда о вызове становится известно лицам, которые могут повлиять на него в негативном плане, имея интерес в исходе дела. При необходимости вызова повесткой с использованием почтовых услуг следует отправлять ее в конверте, на котором отсутствуют реквизиты соответствующего правоохранительного органа. Нельзя в этом случае осуществлять вызов через соседей, руководителей структурного звена по месту работы потерпевшего (свидетеля).

Учитывая изложенное, желательно обговаривать порядок вызова на допрос, тщательно продумывать и по возможности согласовывать с участником уголовного процесса время и место его проведения. В определенных случаях возникает целесообразность обеспечивать потенциального допрашиваемого охраной, возможна доставка по месту проведения следственного действия и обратно служебным автотранспортом.

¹ См.: Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982. С. 178.

Вполне закономерно, что на момент вызова следователь уже обладает определенной информацией об участнике следственного действия и в процессе общения продолжает изучение его личности. Но было бы ошибкой считать, что указанный вид деятельности происходит в одностороннем порядке: официальная встреча представляет собой процесс взаимного изучения сторон, где должностное лицо (его поведение) также выступает объектом восприятия и анализа.

Следователь должен знать, что фигуранту по делу как носителю информации не безразлично, с кем ему предстоит взаимодействовать. Его готовность и восприимчивость к контакту, а также соответствующий настрой будут зависеть не только от должностного положения лица, в производстве которого находится уголовное дело, но и от личных и деловых качеств последнего. Поэтому следователю нужно, осведомляясь об участнике предстоящего допроса, одновременно информировать его о себе в рамках допустимого¹.

Необходимо, чтобы своим видом, манерой обращения, формой постановки вопросов следователь располагал допрашиваемого к откровенности, внушал ему чувство доверия и уважения к правоохранительным органам в целом и лицу, ведущему расследование, в частности. Аккуратный внешний вид, подчеркнутая вежливость и искренний интерес не только к сведениям по делу, которыми располагает фигурант, но и к проблемам самого обладателя информации, аккумулирует у последнего желание давать правдивые показания, оказывать помощь в процессе расследования.

Обязательным условием эффективной коммуникации между взаимодействующими сторонами, необходимым для достижения поставленных целей, является психологический контакт. Пути его установления не поддаются стандартизации, теория не имеет возможности подготовить рекомендации по его налаживанию с каждым из участников процесса. Обеспечение соответствующих условий для этого – процесс перманентный, реализуемый независимо от этапа расследования по делу.

В криминалистике и судебной психологии разработаны и нашли отражение наиболее общие пути установления контакта. Рекомендации по его формированию в основном сводятся к применению

¹ См.: Абраменкова В. С. Следственная тактика и психология // Проблемы советского гос-ва и права. Иркутск, 1975. Вып. 9–10. С. 76.

следователем тактических приемов, направленных на стимулирование готовности допрашиваемого дать достоверные показания, формирование между взаимодействующими сторонами таких отношений, при которых у последнего возникает желание передать следователю достоверную информацию, имеющую значение для расследования по делу. В этом случае трудности в установлении психологического контакта с защищаемым лицом в первую очередь определены формированием у него понимания важности участия в процессе раскрытия и расследования преступления, доверия к мероприятиям по обеспечению его безопасности.

В зарубежной криминалистической литературе, затрагивающей проблемы установления психологического контакта, следователю рекомендуется применять в ходе допроса ряд приемов, как нам кажется, заслуживающих внимания и представляющих определенный интерес, а именно:

- во-первых, следователь не должен упускать такой важный момент, предшествующий процессуальному общению, как приветствие допрашиваемого, представление ему (исключая при этом фамильярность);

- во-вторых, нельзя акцентировать внимание на своем служебном положении, создавая образ службиста, которому нужна только информация по делу;

- в-третьих, следует убирать со стола бумагу и пишущие приборы (записи во время допроса препятствуют установлению доверия, могут «отпугнуть» источника информации);

- в-четвертых, в ходе допроса следователю не рекомендуется избегать взгляда допрашиваемого, отводить глаза в сторону (это создает напряженность, формирует впечатление о неискренности в отношениях со стороны следователя);

- в-пятых, нельзя в ходе допроса вскакивать, ходить по кабинету (это, с одной стороны, ослабляет контакт, а с другой – свидетельствует о нервозности следователя);

- в-шестых, речь следователя должна быть понятна для допрашиваемого.

Проведенное интервьюирование практических работников показало, что установления психологического контакта с допрашиваемым в большинстве случаев удается достичь, применяя приемы,

закрывающие в себе побудительное начало. Соответственно, наиболее часто следователями применяются:

1) проявление объективности и участия к допрашиваемым, искренней заботы о них – 67 %;

2) нейтрализация конфликтного состояния отдельных участников уголовного судопроизводства – 43,3 %;

3) преодоление смыслового и эмоционального «барьеров» – 27,7 %;

4) возбуждение интереса и активности участников следственного действия – 26,3 %; и др.

Следует заметить, что представленные приемы применяются лицом, осуществляющим допрос, как взятые в отдельности (что встречается крайне редко), так и в их совокупности.

Говоря о практических путях совершенствования психологического климата на допросе, следует отметить, что успешная реализация рассматриваемого метода требует расширения неофициальной структуры взаимоотношений (диалога) следователя и участника следственного действия. Для создания деловой обстановки необходимо, чтобы неофициальная и официальная части допроса соответствовали и дополняли друг друга, плавно «перетекали» одна в другую. Вполне естественно, что потерпевший (свидетель), получив угрозы в свой адрес, стремится выговориться, поделиться тревогой за свое будущее и будущее своих близких. Успех общения здесь во многом определен способностями следователя вникать в проблемы допрашиваемого, умение его слушать, что «не менее важно, чем умение задавать вопросы»¹.

Вследствие этого во всех случаях допросу по существу, независимо от настроения допрашиваемого и занятой им позиции, должна предшествовать беседа как одно из проявлений неофициальной структуры взаимоотношений (желательно без посторонних лиц, если иное не предусмотрено законом). В ходе ее следователь доходчиво разъясняет требования закона к потерпевшему (свидетелю), его права, происходит обмен мнениями по целому ряду вопросов, перед фигурантом по делу обосновываются преимущества предполагаемого сотрудничества, приводятся аргументы в его пользу и т. д.

¹ Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса. М., 2001. С. 48.

К качествам, характеризующим способности и навыки следователя вступать в контакт с незнакомыми ранее людьми, получать от них на допросе наиболее полную и достоверную информацию, следует отнести коммуникативные способности: вежливость, эмоциональную устойчивость, общительность, умение разговаривать с людьми, знание людей, простоту, скромность, чуткость, выдержанность и некоторые другие.

Надо признать, что практика деятельности следственных аппаратов свидетельствует об обратном: многие сотрудники не обладают должной коммуникативной компетентностью. Низкий уровень психологических знаний, отсутствие навыков профессионального общения (особую трудность представляет установление психологического контакта с участниками уголовно-процессуальных отношений), а как следствие – отсутствие установки следователя на продумывание сценария проведения отдельных следственных действий и тщательной подготовки к ним влекут подмену использования наиболее эффективных приемов психологического воздействия в лучшем случае – общением на бытовом уровне (*иначе не назовешь*), в худшем – вербальное взаимодействие заменяется физическим насилием, угрозами, оскорблением.

Означенное свидетельствует о недостатках в сфере профессиональной подготовки должностных лиц, которые наделены правом производства по уголовным делам, особенно в вопросах психологии и педагогики¹.

Коммуникативность при этом тесно связана с культурой общения, мышления и языка. Именно здесь немаловажная роль отводится языку и стилю речи как «орудиям труда» следователя: высокий уровень развития, необходимый словарный запас, умение говорить тем языком, который доступен допрашиваемому, создают предпосылки для продуктивного взаимодействия². Ограничиваться лишь вербальным контактом было бы крайне неразумно, информация

¹ См.: Башкирский А. И. Коммуникативная компетентность следователя как одно из важнейших условий успешного расследования преступлений // Психологическое обеспечение деятельности ОВД в современных условиях. Челябинск, 2002. С. 51.

² См.: Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Психологические качества следователя и обучение тактическим приемам допроса // Формирование профессиональных качеств следователя. Волгоград, 1985. С. 36.

содержится не только в словах, само поведение следователя несет определенную информацию: «люди, искушенные в „языке тела“, обладают большей пластичностью во взаимодействии с другими на основе невербальной коммуникации»¹. Средствами передачи информации (осознанно или бессознательно) являются и тембр голоса, и мимика, и пантомимика, и жесты, и даже паузы, короткий или длительный период молчания.

Отслеживая особенности речевого и неречевого поведения допрашиваемого, следователь не должен забывать о том, что он сам является мощным источником управляющей информации и вербального и невербального характера. Информационные сигналы, идущие от него, способны сыграть двоякую роль: с одной стороны, разрушить благоприятно складывающуюся атмосферу информационного взаимодействия с партнером по процессуальной коммуникации, с другой – придать ей новые импульсы дальнейшего развития, переломить неблагоприятную ситуацию, направить ее в нужное русло. Поэтому следователь обязан жестко контролировать не только свои вербальные, но и невербальные реакции и ставить их на службу профессиональной деятельности, особенно в ходе проведения такого следственного действия, как допрос. Психологами установлено, что в процессе речевого общения лишь 7 % информации передается непосредственно словами. В то же время звуками и интонацией передается до 38 %, а жестами, позой, телодвижениями, перемещением в пространстве – до 55 % полезной информации².

Предпосылкой для формирования устойчивой деловой активности взаимодействующих сторон являются и профессионально важные качества личности следователя: интеллектуальные, характерологические (настойчивость, самостоятельность, терпение, самообладание, принципиальность, последовательность, решительность, оперативность и т. п.), психофизиологические (способность к сосредоточению, эмоциональная уравновешенность, психическая

¹ Андрианов М. С. Новые перспективы анализа процессов невербальной коммуникации // Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности. М., 2008. С. 104.

² См.: Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. М., 2002. С. 371, 319.

выносливость, значительный объем внимания, переключаемость, быстрая ориентировка в новых условиях, «помехоустойчивость»¹.

Несомненно и то, что глубина и искренность в отношениях взаимодействующих сторон определяются тем, насколько эти стороны могут выражать и сдерживать свои чувства, эмоции в присутствии друг друга. Значит, независимо от впечатления, которое произвел индивид, его показания, поведение на момент следствия или на этапе, ему предшествующем, следователю надлежит осуществлять должный контроль за собственным психическим состоянием, уметь управлять своей волевой и эмоциональной сферами. Потерпевший (свидетель) должен видеть в следователе психически уравновешенного человека, который объективно, беспристрастно разберется во всех обстоятельствах по делу, уважая достоинство личности, соблюдая права и законные интересы.

При общении с лицом, которое подверглось физическому или психическому насилию в результате посткриминального воздействия, особенно необходимо взаимное доверие сторон. Как таковое оно предполагает взаимный интерес следователя и участника уголовного судопроизводства к общению, а соответственно, стремление к обмену информацией.

Потерпевший (свидетель), испытывая доверие к следователю, приобретает уверенность в том, что, активно содействуя раскрытию и расследованию преступления, он не вызовет каких-либо неблагоприятных последствий для себя и благополучия своих близких, ничем не рискует, полагаясь на должностное лицо, которое, по его мнению, будет выступать гарантом безопасности. Лишь со следователем, к которому участник следственного действия проникся доверием, он может поделиться тем, что его тревожит: опасениями за свою безопасность и безопасность близких ему людей.

Это очень важный психологический момент, так как трудно себе представить, что можно продуктивно сотрудничать с человеком, с которым находишься в конфликтных отношениях, или с тем, кто безразличен к твоей дальнейшей судьбе, когда тебе так необходима помощь и защита, когда ты как никогда испытываешь в этом потребность.

¹ См.: Зорин Г. А. Психологический контакт при производстве допроса. Гродно, 1986. С. 8.

Поэтому следователь должен проявлять максимальную терпимость к «слабостям» собеседника, искренне сочувствовать и сопереживать ему, вникая в его проблемы. Это является основой сближения взаимодействующих сторон. Лишь в том случае, когда жертва принуждения почувствует со стороны следователя неподдельный интерес к ее тревогам и заботам, возможен переломный момент: откровение по интересующим следствие фактам, в том числе и о действиях посткриминального характера.

Среди факторов, имеющих первостепенное значение для успешного общения, психологи выделяют надежность говорящего, понятность его сообщений. В ходе исследований был получен результат, что лица, которые оценивались партнерами как надежные, обладали значительными возможностями влиять на собеседника, а значит, получали необходимую им информацию. К действиям, которые могут повысить надежность в глазах реципиента, психологи относят: открытую демонстрацию своих намерений; проявление доброжелательного отношения; демонстрацию своей компетенции в обсуждаемом вопросе; умение убедительно излагать свои доводы¹.

Доверие тесно связано с нашими представлениями о намерениях индивида. Понимая, что человек руководствуется добрыми намерениями, мы готовы верить в то, что он пытается до нас довести. В то же время недостаточное понимание следователя, мотивов его поведения часто становится причиной недоверия к его словам со стороны допрашиваемого. Знание истинных намерений собеседника повышает вероятность взаимного доверия партнеров, даже если эти намерения не связаны напрямую с желанием добра и пользы другому. Отчасти это определено надежностью партнера, его искренностью, компетенцией в той или иной области, которая представляет интерес для взаимодействующих сторон. Если же следователь скрывает свои мотивы даже из самых лучших побуждений, процесс общения нарушается, и фигурант начинает сомневаться в его надежности.

Степень надежности следователя в глазах участника уголовного процесса зависит также и от того, насколько последний уверен в нем как в источнике информации. Этому способствует логика мышления

¹ Более подробно об этом см.: Мелибруда Е. Я – Ты – Мы. М., 1986. С. 148–149.

следователя, подтверждение исходящей от него информации из других источников, умение предвидеть развитие событий и т. д. Надежность может значительно возрасти и за счет того, что люди, к мнению которых прислушивается жертва принуждения, положительно относятся к доводам должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, обоснованию им той или иной занятой по делу позиции и пр. Стремления последнего, реализация им (в случае необходимости) комплекса мер по обеспечению безопасности потерпевшего (свидетеля) становятся тому понятнее, если следователь берет на себя ответственность за конечный результат. То, как источник информации воспримет намерения должностного лица в конкретный момент, в немалой степени зависит от последнего.

Здесь следует учитывать и то, что субъект уголовно-процессуальных отношений, находясь под впечатлением угроз со стороны заинтересованных лиц, кроме всего прочего, нуждается в эмоциональной поддержке. Для того чтобы готовность оказать помощь, проявление сочувствия и сопереживания были адекватно восприняты допрашиваемым, означенная деятельность следователя должна подтверждаться и на невербальном уровне: словесная поддержка должна сопровождаться соответствующими жестами, мимикой (о чем уже говорилось выше). Если при этом выражение лица и соответствующие жесты следователя согласуются со смысловым значением его слов, то высказывание приобретает большую ясность, понятность и убедительность. Умение следователя доходчиво излагать информацию, заинтересованность и уверенность, с которой он ее преподносит, то, как он обосновывает свою позицию и говорит о том, что чувствует и думает, прямо пропорционально силе воздействия на допрашиваемого.

Выяснение обстоятельств преступления в ходе допроса потерпевших и свидетелей, реально ощутивших угрозу безопасности своей жизни и здоровью как следствие содействия раскрытию и расследованию преступлений, не может ограничиваться лишь словесной поддержкой и ободряющим тоном со стороны следователя, посредством чего иногда предпринимаются попытки рассеять опасения. Необходимо принятие конкретных мер по обеспечению их безопасности, установлению и нейтрализации источника угрозы, ограждению допрашиваемых от неправомерных воздействий заинтересованных лиц, вплоть до включения в Программу государственной защиты. Необходимость означенного должна быть мотивирована

следователем, который является инициатором обеспечения безопасности добросовестных участников уголовного процесса на период нахождения дела в его производстве.

В обязательном порядке с потенциальной жертвой посткриминального воздействия должен проводиться инструктаж на случай неправомерного воздействия. Рекомендации потерпевшему (свидетелю) по правилам поведения в «особых условиях» позволяют ему правильно оценивать складывающуюся ситуацию, своевременно распознавать опасность и лиц, от кого она может исходить, а значит, сводить к минимуму ее вероятные последствия и нейтрализовать их.

Важную роль в подобной ситуации играет информирование о мероприятиях по обеспечению его безопасности, которые будут приняты соответствующими структурными подразделениями, поэтому для достижения целей уголовного судопроизводства, полноты и объективности расследования следователю целесообразно привлекать сотрудника ОРЧ (ГЗ) для участия в допросе. Последний сможет разъяснить возможности закона в осуществлении государственной защиты, в том числе подразделений, ее осуществляющих, степень защищенности и гарантии социальной безопасности, что в целом будет способствовать побуждению лица к содействию расследованию.

Целью собеседования является подготовка фигуранта в психологическом плане к многообразию жизненных ситуаций, обусловленных включением в Программу защиты, например: срочный переезд в иную часть страны; возможные осложнения при обустройстве на новом месте; ни с чем не сравнимая психологическая травма, обусловленная отчасти тем, что придется отказаться от своего имени, общения с родственниками и близкими и т. д. На подобную жертву не всякий способен. Особенно это характерно для нашей страны, где, в отличие от западной ментальности, до сих пор довольно крепки родственные, дружеские связи. Такое собеседование позволяет проинформировать кандидата в отношении будущего, дает возможность предупредить вероятные недоразумения в перспективе как следствие непредвиденных жертв с его стороны.

На данной стадии возможно выявление истинных намерений потенциального объекта охраны, моделирование его поведения в ходе проведения отдельных следственных действий с его участием в зависимости от той или иной ситуации, в том числе ответной реакции

на меру безопасности, определяемую правоохранительными органами. Собеседование позволяет осуществить личностное и индивидуально-психологическое изучение «кандидата», прогнозировать, какие проблемы можно от него ожидать, а соответственно принять предупредительные меры. По результатам собеседования желательно заключение специалиста в области психологии о пригодности конкретного фигуранта для участия в Программе защиты. При этом как со стороны следователя, так и представителя органа, осуществляющего меры безопасности, недопустимы невыполнимые обещания или введение кандидата в заблуждение.

Участники уголовного судопроизводства, в отношении которых предпринимается ряд охранных мероприятий, должны видеть не «наигранную» заинтересованность со стороны компетентных органов не только в информации по делу, исходящей от них, но и в их судьбе. Если взаимодействие осуществляется с учетом сложившейся обстановки и психических особенностей личности допрашиваемого, последний значительно быстрее пойдет на контакт, в результате которого последует переход от лжи к достоверной информации.

Выступая в качестве свидетеля обвинения по уголовному делу, Щ. заявила об имевшей место угрозе ей физической расправой со стороны неизвестных лиц за дачу показаний, изобличающих виновных в совершении разбойного нападения. Следователь, зафиксировав показания Щ., пояснил, что в отношении ее будут приняты необходимые меры безопасности. Наблюдая за деятельностью работников органа дознания, которые осуществляли охранные мероприятия, Щ. поняла, что те действительно заинтересованы в ее безопасности, выполняя данную работу подчас в ущерб личному времени. В итоге свидетель осталась при своих показаниях, подтвердив их при проведении опознаний, на очных ставках и в суде¹.

Сложившийся конфликтный характер допроса, а значит, и психологическая борьба за информацию между взаимодействующими сторонами часто разрешается позитивно в результате правильного выбора и применения следователем различных методов психологического воздействия на допрашиваемого, довольно обширный перечень которых представлен в криминалистике и судебной психологии.

¹ Пример из следственной практики автора.

Они состоят в оказании допустимого с точки зрения закона и этических требований эмоционально-волевого или интеллектуального воздействия на лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, в целях преодоления противодействия с их стороны и получения достоверных показаний.

Однако побудительным началом к деловому сотрудничеству могут служить далеко не все методы психологического воздействия, нашедшие отражение в литературных источниках. К ним следует отнести прежде всего методы преодоления смыслового и эмоционального «барьеров», метод убеждения, метод обращения к положительным качествам допрашиваемого, метод примера. Иные методы (например, принуждение, изобличение, диагностика лжи, приказ и пр.) вряд ли применимы, учитывая стоящую перед следователем задачу по достижению взаимопонимания и доверия к нему со стороны жертвы посткриминального воздействия.

Конфликтная ситуация на допросе порой возникает как следствие непонимания допрашиваемым роли, которую ему предстоит выполнять в ходе установления истины по делу, его психологического настроя на неприятие необходимости быть вовлеченным в уголовный процесс, неуравновешенности и пр. Указанные компоненты, наряду с неправомерным воздействием со стороны заинтересованных лиц, формируют негативное отношение конкретного лица к предстоящему допросу, как правило, еще до появления в кабинете следователя, предопределяя возникновение на пути к деловому сотрудничеству определенных «барьеров», имеющих смысловой и эмоциональный оттенок.

С момента вызова у очевидца происшедшего возникает эмоциональное напряжение высокого уровня. Особенно в тех случаях, когда он не может определиться со своим процессуальным положением в деле или категорией информации, которая интересует следователя. Разрядка напряженности допрашиваемого может наступить сразу же по прибытии для участия в следственном действии, как только им будет получено разъяснение от следователя по интересующему вопросу. Не исключена и ситуация, когда длительное переживание, занявшее временной период с момента уведомления о вызове до прибытия к следователю (как ответная реакция психики) приводит к нервному срыву. Это крайне неблагоприятно сказывается

на контакте между взаимодействующими сторонами и, как следствие, результативности допроса.

Вполне естественно, что в подобной ситуации деятельность лица, ведущего расследование, по созданию благоприятного психологического климата предполагает преодоление указанных «барьеров» психической напряженности и сопровождающих ее отрицательных эмоций. Поэтому тактика действий следователя, определяющая формирование деловой обстановки допроса, должна заключаться в следующем: при вызове некоторых категорий допрашиваемых, в частности потенциальных свидетелей, желательно заблаговременно (если это не идет в ущерб установлению истины по делу) уведомлять о цели вызова и вопросах, которые могут быть затронуты на допросе, обеспечивая готовность фигуранта к допросу в психологическом плане. Для этого следует указывать в повестке служебный телефон следователя, посредством которого вызываемый сможет уточнить цель вызова.

Метод убеждения занимает особое место в перечне методов психологического воздействия на допрашиваемого, формируя у него установку на добровольное и активное участие в уголовном процессе. Данный метод строится на демонстрации участнику следственного действия имеющихся в наличии доказательств по делу, возможностей следствия, разъяснении последствий, которые может повлечь принятая за основу им линия поведения, раскрытии возможностей правоохранительных органов по обеспечению безопасности добросовестных участников уголовного судопроизводства и пр. Таким образом, происходит передача информации, посредством которой следователь рассчитывает на осмысление жертвой посткриминального воздействия целесообразности предстоящего сотрудничества с правоохранительными органами.

При этом нельзя забывать, что со стороны потерпевшего (свидетеля) ложь в показаниях далеко не всегда является заранее запрограммированным явлением действительности. Показания в виде передачи недостоверной информации – это следствие проявления защитной реакции в ответ на угрозы в его адрес. Поэтому указанный метод может иметь решающее значение в том случае, когда следователь дает понять, что доказательственная база собрана по делу до вовлечения в уголовный процесс субъекта, который подвергся угрозам со стороны заинтересованных лиц. В этом случае должностному лицу

необходимо акцентировать внимание допрашиваемого на том, что иные доказательства уже отражены в материалах дела в более ранний период.

Стремясь убедить потерпевшего (свидетеля) в преимуществах предстоящего сотрудничества, следователь должен заботиться не только об аргументации его обоюдной пользы для взаимодействующих сторон, но и форме ее изложения. В сущности, речь идет об овладении техникой ведения беседы, где затрагиваемые вопросы должны быть соотнесены с уровнем образования, житейским опытом, взглядами на жизненные ценности, увлечениями допрашиваемого и пр.

Решая вопрос об использовании в ходе допроса такого метода психологического воздействия, как обращение к положительным качествам участника уголовного судопроизводства, необходимо учитывать структуру личности последнего, а именно: индивидуально-психологические особенности (возраст, род занятий, интеллектуальное развитие, интересы, темперамент, прошлую и настоящую деятельность), направленность личности (потребности, мотивы, цели, убеждения, идеалы), его процессуальное положение, степень заинтересованности в исходе дела и ряд других качеств.

Систематизируя данную информацию, особое внимание необходимо уделять сведениям о прежних заслугах, социально полезных связях допрашиваемого по месту работы и жительства, так как именно они могут быть использованы при установлении с ним психологического контакта, а как следствие, получению наиболее полной и достоверной информации по делу. Подчеркивая положительные качества личности, следователь помогает допрашиваемому преодолеть страх перед угрозами или физическим принуждением со стороны заинтересованных лиц. При их стимулировании лучше избегать долгих формальных уговоров, необходимо говорить искренне, убежденно.

В целом подобная ситуация требует от следователя особой чуткости, тактической гибкости и психологической тонкости по отношению к жертве посткриминального воздействия, внимательности, индивидуального подхода. Недопустимы грубость, подчеркнутая недоверчивость к показаниям потерпевшего (свидетеля) по факту угроз в его адрес, исключены обвинения в трусости, так как он ждет от лица, осуществляющего расследование, помощи, а не порицания его действий и поведения. Это не решает проблемы получения

достоверных показаний, и более того – субъект уголовного судопроизводства может замкнуться в себе, потерять веру в получение от правоохранительных органов так необходимой защиты, расследование по делу может зайти в тупик.

Очень важно, чтобы потерпевшие (свидетели), подвергшиеся противоправному воздействию, находили понимание у следователя, который должен оказывать им не только юридическую, но и психологическую поддержку: максимальное внимание, вежливость, заинтересованность и уважение чувств защищаемых лиц, необходимая эмоциональная поддержка снижают повышенную психологическую напряженность и дискомфорт, характерные для состояния жертв преступлений. Означенное способно придать участникам процесса психологическую устойчивость и мужество¹.

Выбор соответствующей тактической позиции обусловлен личностными качествами допрашиваемого, его моральной чувствительностью к разоблачительным действиям следователя. Однако изменение показаний и правдивое признание – психологически трудный процесс, связанный с изменением установочной позиции, мотивационной переориентацией, эмоциональным напряжением. Переход от лжи к правде связан с внутриличностным конфликтом – борьбой с самим собой². Поэтому во всех случаях следователю не надо спешить с фиксацией ложных показаний, так как свидетелю или потерпевшему будет намного сложнее отказаться от недостоверной информации, нашедшей отражение в протоколе. Подобная ситуация ставит участника уголовного судопроизводства в определенную психологическую зависимость и порождает другую ложь, тем более, что он был официально предупрежден о последствиях лжесвидетельства в порядке требований п. 2 ч. 5 и ч. 7 ст. 42, п. 2 ч. 6 и ч. 8 ст. 56 УПК РФ.

При наличии сведений о существовании источника угрозы следователю необходимо принять меры по закреплению полученной информации и оформлению официального заявления по факту оказываемого принуждения к противодействию, на основании которого возможно будет решить вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении лиц, принуждающих потерпевшего (свидетеля) к даче

¹ См.: Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001. С. 318.

² См.: Еникеев М. И. Психология следственных действий. М., 2007. С. 240.

ложных показаний. Не лишним будет ознакомление жертвы посткриминального воздействия с положением закона, где предусмотрена уголовная ответственность за принуждение ее к даче ложных показаний (ст. 309 УК РФ).

В данном случае подлежат выяснению и процессуальному оформлению следующие обстоятельства:

- наличие факта посткриминального воздействия;
- способы (приемы) реализации преступного умысла;
- информация о субъектах посткриминального воздействия (организаторах и исполнителях);
- требования, выдвигаемые ими;
- данные, характеризующие жертву посткриминального воздействия.

Здесь же необходимо определить (выработать) комплекс мер по обеспечению безопасности добросовестных участников уголовного судопроизводства (процессуальные, административные, организационно-тактические и иные).

Вполне закономерно, что, участвуя в уголовном процессе, потерпевшие и свидетели имеют дело не только с работниками органа дознания, следователем, прокурором и судом, но и «посягают» на интересы обвиняемого и его окружения. Важно найти решения, которые могли бы гарантировать добросовестным участникам уголовного судопроизводства надежную защиту, от кого бы ни исходило принуждение: от обвиняемого, его близких или соучастников, оставшихся на свободе, защитника; важен сам факт неправомерного воздействия. Пренебрежение безопасностью лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений, недооценка необходимости ее обеспечения ведет соответственно к возникновению конфликтной ситуации в ходе расследования по делу.

§ 2. Тактико-психологические особенности допроса обвиняемых (подозреваемых); проблема обеспечения их безопасности

Допрос обвиняемого (подозреваемого) является одним из наиболее важных и сложных следственных действий, где процесс установления истины не ограничивается получением признательных показаний, выяснением обстоятельств по делу, но и преследует иную, как это ни банально звучит, не менее важную цель – оказание положительного воспитательного воздействия на подсудимого.

В сущности, допрос подозреваемого и обвиняемого в тактическом плане не имеет коренных различий, хотя при всей незначительности их нельзя не принимать во внимание. Так, при допросе подозреваемого следователь обладает определенными преимуществами в процессе получения наиболее полных и достоверных показаний от лица, которое располагает ограниченными сведениями об объеме доказательств его виновности, а фактор внезапности и неожиданности лишает подозреваемого возможности продумать, выработать определенную линию поведения, психологически подготовиться к следственному действию.

Если же брать в целом, то в лице подозреваемого и обвиняемого в значительном большинстве случаев следователь встречает субъекта, который, будучи заинтересован в исходе дела, имеет намерение представить свои противоправные действия и поведение в более выгодном для него свете, а порой и выдвигает заранее подготовленное ложное алиби. В основном у данной категории участников уголовного судопроизводства довольно отчетливо прослеживается защитная доминанта в виде отрицания и опровержения имеющихся в отношении их улик. Противодействие следователю в установлении истины по делу проявляется в виде активных и пассивных действий, т. е. допрашиваемый или сообщает заведомо недостоверную информацию, или вообще отказывается отвечать на поставленные вопросы (в следственной практике случаи отказа обвиняемого от дачи показаний относительно редки; по нашим данным, это соотношение колеблется примерно в пределах 1:18).

Успех следственного действия с участием обвиняемого, занимающего негативную позицию, в немалой степени зависит от того, насколько проводящий его сотрудник разбирается в закономерностях психики. Умение понимать внутренние процессы и состояние человека, с которым мы общаемся, психологи называют эмпатией¹. Эмпатия следователя основана на умении правильно представлять, что происходит внутри допрашиваемого, что он переживает, к чему стремится, как воспринимает и оценивает себя и окружающий мир (способность смотреть на людей и воспринимать различные события их глазами – имеет чрезвычайно важное значение для понимания окружающих). Кроме того, эмпатия основана на способности

¹ См.: Мелибруда Е. Я – Ты – Мы. С. 195–198.

с помощью воображения почувствовать жизненную ситуацию другого человека и те роли, которые он исполняет. Способность следователя к эмпатии тем выше, чем богаче и разнообразнее его представления о других людях, чем гибче и изобретательнее он пользуется ими.

Следователь должен учитывать, что в отношении обвиняемых (подозреваемых) предлагаемый контакт обусловлен принудительным характером общения, в результате которого те не испытывают положительных эмоций; это является серьезным препятствием на пути к достижению определенного результата¹. Межличностное общение в условиях следствия характеризуется в ряде случаев повышенным уровнем тревожности. Это состояние часто сочетается со страхом, который, угнетающе действуя на психику человека, нередко выступает в качестве причины ложных показаний и самооговора².

Вникая во внутренний мир подследственного, необходимо признать, что он крайне редко видит в следователе союзника, человека, готового прийти ему на помощь. Заметную роль в этом играют не только личностные качества должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, но и объективные факторы, подготавливающие соответствующую психологическую установку, а именно: допрос как один из видов социальной связи вызывает у фигуранта неуверенность и внутреннее напряжение, которые в случае совершения им ошибки, случайной оговорки могут привести к негативным для него последствиям.

Психологически вполне объяснима испытываемая неприязнь обвиняемого к следователю как источнику опасности, ставящему под сомнение его благополучие. На момент вызова или доставления по месту ведения следствия он не владеет достаточной информацией о количестве и доказательственном значении улик, которыми располагает допрашивающий. Соответственно, сознание обвиняемого работает в следующем направлении: получить по возможности наиболее полную информацию от следователя и не допустить ошибок

¹ См.: Тимербаев А. Т., Чернявский В. М. Психологические основы расследования преступлений. Одесса, 1989. С. 47.

² См.: Лушечкина Н. А. Роль психических состояний обвиняемого в тактике допроса // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 1982. № 3. С. 78–79.

со своей стороны, даже самых незначительных, которые могут подвергнуть его угрозе разоблачения. Одно это уже отнюдь не способствует формированию атмосферы доверия и взаимопонимания, что, естественно, отрицательно сказывается на качестве получаемой информации. Значит, в процессе восприятия следователем фактических обстоятельств по делу в интерпретации обвиняемого тщательному психологическому анализу должна быть подвергнута не только содержательная часть показаний данного участника следственного действия, но и эмоциональная форма их изложения.

На пути к преодолению столь нежелательного для взаимодействия психического состояния следователю приходится прилагать немалые усилия, чтобы доходчиво и понятным языком разъяснить подследственному его процессуальное положение, значение для него достоверных показаний и деятельного раскаяния в совершенном. В случае отказа давать показания следователю прежде всего необходимо разъяснить фигуранту по делу негативные последствия подобной позиции. Здесь ставка делается на то, что человек всегда остается заинтересованным в своей судьбе, и рекомендации криминалистики и юридической психологии по разъяснению, что обвиняемый упускает возможность самозащиты (доказательства его виновности могут исследоваться и оцениваться односторонне) и вина может быть доказана и без его помощи, а смягчающие обстоятельства без его участия установить затруднительно, – остаются действенными и в современной сложной обстановке¹.

Не вызывает сомнений и тот факт, что личное поведение следователя придает определенный импульс поведенческим установкам обвиняемого (подозреваемого). Независимо от ситуации, сложившейся на момент допроса, со стороны следователя недопустимы невыполнимые обещания, неискренность по отношению к допрашиваемому, чтобы он не ответил тем же. Вполне закономерно, что индивид, однажды преднамеренно введенный в заблуждение, стремится впредь избегать подобных ситуаций. Своеобразная психологическая зависимость в виде недоверия и подозрительности к действиям должностного лица может возникнуть и закрепиться на фоне

¹ См.: Карагодин В. Н., Коровин С. В. Тактика проверки обоснованности подозрения в бандитизме // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень. 2009. № 3. С. 56.

беспокойства и внутреннего напряжения как следствие ранее пережитого субъектом или близкими ему людьми злоупотребления доверием.

Неприязнь и ярко выраженный конфликтный настрой С., задержанного по подозрению в совершении уголовно наказуемого деяния, сложились как следствие некорректных действий дознавателя, проводившего неотложные следственные действия с его участием: оскорбления, угрозы, необоснованный отказ в удовлетворении законных просьб и ходатайств. Поэтому, когда дело было передано по подследственности, С. занял крайне негативную позицию, отказываясь не только давать показания по делу, но и вообще вступать в какой-либо контакт со следователем. Последний, имея опыт работы с подобной категорией подследственных, первым сделал шаг на пути к преодолению недоверия и отчуждения, предложив обвиняемому свидание с его матерью и любимой девушкой, разлуку с которыми он глубоко переживал; не было отказа и в передаче продуктов питания и вещей. В результате С. изменил свою позицию и пошел на деловое сотрудничество со следствием¹.

Учитывая психологию лиц, к которым в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, следует принять за правило их вызов и доставление по месту ведения следствия. Допрос в условиях, коренным образом отличающихся от места, где задержанный проводит основную часть времени, в совокупности с решением ряда личных проблем, формирует предпосылки для адекватного реагирования на заинтересованность следователя в выяснении обстоятельств совершенного преступления. Проявление внимания к личности допрашиваемого, учет его интересов подготавливает почву для делового сотрудничества, и порой, независимо от отношения того к правоохранительным органам в целом, создает предпосылки к нейтрализации назревающего конфликта.

Исследуя внутренний мир лица, совершившего противоправное деяние, нельзя оставлять без внимания систему ценностных ориентаций, взглядов и установок, которые присущи ему как представителю определенной социальной группы. С точки зрения оценки личности, в системе уголовного судопроизводства было бы крайне неразумно со стороны следователя не учитывать и так называемый «социальный

¹ Пример из следственной практики автора.

статус», который связан с установками и видами поведенческих реакций, жизненной позицией по тем или иным вопросам.

Современная наука, игнорируя биологические аспекты формирования человека, отвергает природную предрасположенность к преступлениям и наличие у него каких-то особенных генетически запрограммированных и передаваемых по наследству наклонностей к правонарушениям. Считается, что основное отличие личности преступника от личности законопослушного гражданина состоит в негативном содержании ценностно-нормативной системы, сочетании некоторых устойчивых психологических особенностей, имеющих криминологическое значение¹. Общеизвестно, что именно в координатах ценностно-нормативной системы личности и социальной среды, их взаимодействии надо искать непосредственные причины преступного поведения. Значит, задача следователя состоит в поиске путей разоблачения и нейтрализации негативных последствий влияния означенной среды на лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Как биосоциальное существо, каждый человек (за редким исключением) для удовлетворения своих потребностей, достижения личных и совместных целей стремится к объединению с другими людьми, в том числе и для успешной реализации антиобщественных установок. В этом случае среди множества факторов, влияющих на восприятие и познание действительности, особую роль играют стереотипы мышления и оценок, которые укоренились в сознании фигурантов, которые на протяжении определенного временного периода в составе группы совершали уголовно наказуемые деяния. От того, насколько должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, будет последовательно и убедительно в разоблачении неприглядной роли ценностных ориентаций, послуживших основой формирования личности, а также неформальной нормативной базы, действующей внутри определенной группы, настолько будет зависеть не только успех проведения отдельно взятого следственного действия или мероприятия, но и расследование по делу в целом.

¹ См.: Мариновская И. Д., Тихомиров С. Н. Юридическая психология. М., 2005. С. 206–207; Бакин А. А. Социальное и биологическое в личности насильственного преступника-рецидивиста // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2009. № 2. С. 94–95.

Ориентируя свою деятельность на выявление структуры преступной группы, роли, которую выполнял каждый из подследственных в ходе противоправной деятельности, следователь должен делать ставку на рядовых исполнителей, так как обвиняемых, занимающих нижнюю ступеньку в иерархической структуре преступной группы, проще склонить к сотрудничеству. Не акцентируя внимания на степени виновности, следователь подводит фигуранта к осмыслению того, что основную тяжесть наказания должны нести организаторы и руководители группировки, их «идейные вдохновители», которые, как правило, остаются вне уголовного преследования.

Разочарование подследственного в «идеалах», обида на лидеров группировки закладывает основы делового сотрудничества со следствием. Поэтому деятельность следователя в ходе подготовки к допросу и его проведения должна быть нацелена на выявление и использование антагонизмов, межличностных противоречий, противоречий в интересах соучастников преступной деятельности и конфликтов, имеющих место в их среде. В ходе расследования разногласия могут обостриться и выйти из-под контроля признанных в группе авторитетов. Это особенно свойственно периоду, когда лица, проводившие основную часть времени вместе, изолированы от общества и друг друга, когда они лишены не только привычных условий существования, но и информации о поведении на следствии каждого из них, когда окончательно не выработана (если она вообще прорабатывалась) линия поведения на случай задержания, и т. д.

Практика свидетельствует, что представители руководящего звена оказывают негативное воздействие не только на сторону обвинения, но и членов своей преступной группы, продолжая руководство своими «подопечными» (даже если в отношении тех в качестве меры пресечения применено заключение под стражу), вплоть до приказов отказаться от дачи показаний, изменить их, прорабатывая линии поведения на следствии и в суде (о чем уже говорилось выше), в том числе подготавливая ложное алиби и т. п.

Так, в ходе расследования ряда заказных убийств в г. Рязани лица, обвиняемые в совершении данных преступлений, будучи арестованы, не прекращали контактировать с сообщниками, оставшимися «на воле», входящими в так называемую «слоновскую группировку».

В числе прочего последние, подготавливая ложное алиби, передали обвиняемым в СИЗО записку с текстом: «Валите все на „Горелова“. Его нет в живых»¹.

В литературе, освещающей проблемы криминалистической тактики, широко представлены тактические приемы допроса подозреваемых и обвиняемых, в том числе в условиях конфликтной ситуации. Поэтому нет необходимости в их анализе и исследовании в рамках представленной работы. Перед нами стоит несколько иная задача – «приспособить» их к ситуации, когда подозреваемый (обвиняемый) избегает сотрудничества со следствием в связи с опасением расправы со стороны заинтересованных лиц (отчасти это уже нашло отражение в изложенном материале).

В то же время нельзя не принимать во внимание и тот факт, что в соответствии со ст. 51 УПК РФ на допросе подозреваемого (обвиняемого) вправе присутствовать защитник. Его участие привносит ряд существенных корректировок в тактику и психологию допроса, значительно сужает рамки, а то и полностью исключает неофициальный контакт, делает крайне затруднительными беседы на отвлеченные темы, располагающие к взаимному доверию и откровенности. Недобросовестный допрашиваемый, ощущая незримую (а порой и явно выраженную) помощь защитника, чувствует себя увереннее, более независимо ведет себя в ходе следственного действия, вступает в пререкания. Рассчитывая на поддержку и получая ее, он, как правило, не заинтересован в активизации взаимоотношений со следователем. При этом не исключены случаи, когда защитник представляет интересы не только подзащитного, но и «иных лиц».

Допрос с участием защитника лишается такого важного тактико-психологического компонента, как интимность: присутствие третьего лица сковывает следователя, ограничивает спектр его фактических возможностей при допросе. Являясь «объектом наблюдения» защитника, высококвалифицированного специалиста в области права, а кроме того, союзника обвиняемого, следователь вынужден исключить из своего арсенала ряд тактических приемов, используемых при обычном (без защитника) допросе, упростить приемы эмоционального воздействия на допрашиваемого, почти

¹ См.: Китаев Н. Н. Гипноз и преступления. Иркутск, 2006. URL: <http://www.pseudology.org/KitaevSmyk/HypnosisCrime.htm>.

исключить приемы логического воздействия на него с помощью конкретных доказательств, дабы не раскрыть преждевременно информацию о доказательственной базе по делу¹.

В подобной ситуации следователь должен выработать тактику своих действий таким образом, чтобы способствовать построению процессуальных отношений с защитником на паритетных началах; это позволило бы в ходе допроса и на последующих этапах расследования приобрести в его лице союзника, которому доверяет обвиняемый. Поэтому необходимо принять за правило – не обострять без веских причин отношений с защитником: нельзя злоупотреблять интересами по делу в ущерб правам подсудимого; делать замечания защитнику, не обоснованные необходимостью; манипулировать властными полномочиями, ставить во главу угла задачу на его «подавление» перед подзащитным в силу своего должностного положения и пр.

Тактически верным со стороны следователя будет:

- корректное и уважительное отношение к защитнику;
- акцентирование внимания подсудимого на той роли и значимости, которые последний занимает и играет в уголовном процессе (это поднимает авторитет защитника и решает ряд проблем реализации следователем тактических приемов);
- тесный контакт с защитником на момент разъяснения обвиняемому значимости предъявляемых доказательств и их процессуальной силы;
- акцентирование внимания сторон на тех материалах уголовного дела, информированность о которых может иметь обоюдозначимую ценность.

Нужно заметить, что в ряде случаев защитник преследует цель лишить следователя возможности установить истину по делу; это может проявляться в следующем:

- 1) он выступает связующим звеном между соучастниками преступной деятельности, фактором, предопределяющим утечку информации;
- 2) вмешивается в процедуру ведения допроса, прерывает его ход: задает вопросы допрашиваемому, следователю, не испрашивая на это разрешения, дает ответы на поставленные перед обвиняемым вопросы;

¹ См.: Питерцев С. К., Степанов А. А. Тактические приемы допроса. СПб., 1994. С. 42.

3) подсказывает обвиняемому, занявшему позицию противодействия расследованию, предпочтительные варианты ответа, в том числе используя невербальные методы (утвердительный или отрицательный кивок головы, мимику, жесты, телодвижения и т. д.).

Чтобы быть готовым к таким ситуациям, следователю необходимо предусмотреть комплекс контрмер, которые реализуются в зависимости от конкретной обстановки как при подготовке к допросу, так и в ходе его проведения. Поэтому, выстраивая своеобразную тактику взаимоотношений, он должен:

- официально предупредить защитника о недопустимости разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ), взяв подписку об этом и предупредив об ответственности за нарушение данного требования (ст. 310 УК РФ);

- перед допросом, исходя из требований закона (ч. 2 ст. 53 УПК РФ), предупредить его о недопустимости вмешательства в процедуру проведения следственного действия (реализовывать право задавать вопросы подзащитному) до момента, пока следователь не закончит допрос, оформив его протоколом или не разрешит задать вопрос по ходу следственного действия;

- если в ходе допроса защитник будет совершать действия, идущие вразрез с законными требованиями следователя, последний должен занести его реплики в протокол, предложить удостоверить данный факт и снова предупредить о недопустимости нарушения процедуры проведения следственного действия. Здесь же следователь должен уведомить защитника, что в противном случае он оставляет за собой право прервать допрос и письменно уведомить Коллегию адвокатов о его недопустимом поведении, нарушении профессиональной этики.

Перечисленные тактические приемы допроса с участием защитника не могут служить готовой моделью поведения должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, они носят рекомендательный характер. Изложенный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен с учетом складывающейся следственной ситуации.

В отличие от иных лиц, заинтересованных в неблагоприятном исходе по делу, адвокат-защитник является особым, ведущим субъектом

противодействия обвинению¹. Довольно часто защитники, «дистанцируясь» от соблюдения профессиональной этики, убеждают подследственных отказаться от данных неблагоприятных лично для них или группы показаний, принимают меры по сокрытию следов и вещественных доказательств, о которых задержанный сообщил и которые следователь не успел еще процессуально закрепить.

Выявление и нейтрализация подобных непроцессуальных шагов защитника и, безусловно, их процессуальное закрепление со стороны следователя является «высшим пилотажем». Ведь здесь прослеживается не только и не столько установка подследственного на противодействие расследованию, сколько совокупность означенных действий с консультационными возможностями защитника, выступающего «рупором» членов преступного сообщества². Обвиняемый, подспудно подстрекаемый к этому защитником, прекрасно понимает, что сотрудничество со следствием не в его интересах. Здесь действует так называемый «закон молчания» – выдавать следствию информацию по делу не только опасно для жизни, но и просто невыгодно, так как твердость в выгораживании соучастников всемерно поощряется, в том числе в виде материальной и моральной поддержки в случае осуждения³. Складывающуюся ситуацию довольно сложно переломить.

Прослеживая размышления и переживания подследственного, нетрудно понять, что даже в том случае, если он принял к сведению основные положения закона в части смягчающих ответственность обстоятельств и проникся доверием к следователю, все же будет проявлять намерения по уклонению от официальных показаний. Он осознает, что факт деятельного участия в раскрытии и расследовании преступления станет достоянием гласности, соответственно, данной информацией будут располагать и соучастники его преступной деятельности. Последствия измены групповым интересам несложно предсказать.

¹ См.: Новик В. В. Состязательность сторон и противодействие адвоката уголовному преследованию: процессуальные и криминалистические аспекты // Вестник криминалистики. 2007. Вып. 2. С. 17.

² См.: Яковлева М. Я. Некоторые вопросы преодоления противодействия расследованию в ходе допроса // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 2. С. 64.

³ См.: Организованная преступность – 2. М., 1993. С. 118.

В складывающейся ситуации бывает довольно трудно (а чаще, как правило, и невозможно) убедить данного участника судопроизводства в выгодности сотрудничества со следствием. И хотя деятельность следователя в условиях противоборства направлена на нейтрализацию негативных мотивов, которые пытается материализовать виновный, и укрепление тех из них, что побуждают последнего к предоставлению достоверной информации по делу, этого в современных условиях борьбы с преступностью будет явно недостаточно. Эффективное решение проблемы невозможно осуществить, в том числе и посредством наращивания карательной политики. В связи с этим особо актуализируется исследование вопроса о дальнейшем развитии поощрительных норм права, которые представляют собой правовые стимулы для общественно полезного поведения лица, совершившего преступление.

Направленность поощрительных норм выражается прежде всего в том, что, стимулируя желательное для общества поведение, они способствуют возбуждению у отдельных преступных элементов стремления не только к признанию вины, но и к деятельному раскаянию, повышая эффективность правового регулирования процесса борьбы с преступностью в целом¹. Концепция расширения компромиссов признана необходимым направлением уголовной политики. Деятельное раскаяние имеет важное практическое значение; его преимущества очевидны, так как информация предоставляется лицом, непосредственно принимавшим участие в преступлении.

Гарантии смягчения наказания или освобождения от него в случае деятельного и активного участия в процессе раскрытия и расследования уголовно наказуемых деяний на протяжении десятилетий доказали свою эффективность в практике борьбы с преступностью в ряде передовых экономически развитых стран, законодательство которых ориентировано на «делку с правосудием» (Англия, Германия, Италия, Израиль, Нидерланды, Норвегия, Франция, Япония и ряд других); особое место они занимают в судебной системе США. По заявле-

¹ См.: Пушкин А. В. Поощрительные нормы уголовного права как средство борьбы с противодействием нормальному ходу расследования преступлений // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С. 188.

нию профессора Сент-Луисского университета США С. Теймана¹, главной целью сделки о признании вины между сторонами защиты и обвинения является уголовно-процессуальная экономия, позволяющая избежать громоздкой процедуры судопроизводства, которая также влечет за собой смягчение вины обвиняемого и сокращение объема обвинения.

В качестве примера успешной реализации «сделки с правосудием» можно привести уголовное дело, возбужденное судебной системой США в отношении признанного авторитета преступного мира «вора в законе» Вячеслава Иванькова («Япончика»). Он был осужден на основании показаний соучастников преступной деятельности, которые в целях смягчения для себя наказания вступили в сотрудничество со следствием. В результате один из них был осужден на 3 года лишения свободы условно, в то время как В. Иваньков, отказавшийся от «сделки с правосудием», был приговорен к 9 годам 7 месяцам тюремного заключения (срок наказания им был отбыт полностью).

Значимость подобной практики в деятельности правоохранительных органов нашла отражение на уровне межгосударственных документов, затрагивающих проблемы борьбы с преступностью в глобальном масштабе. Так, 46-я Генеральная Ассамблея ООН по вопросам борьбы с организованной преступностью указала, что смягчение приговора или даже освобождение от уголовной ответственности могут побудить виновных, не игравших ключевой роли в совершении преступления, оказать содействие расследованию, а введение упомянутых процедур в национальное законодательство может способствовать привлечению их к сотрудничеству.

Вопрос о целесообразности в законодательстве России гарантий смягчения наказания или освобождения от него обвиняемого (подозреваемого) в случае деятельного и активного участия в процессе раскрытия и расследования совершенного преступления неоднократно на протяжении ряда лет обсуждался как в средствах массовой информации, так и в научных трудах специалистов в области криминалистики, уголовного и уголовно-процессуального права.

¹ См.: Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия // Рос. юстиция. 1998. № 10. С. 36–37.

Наблюдавшийся в последние годы количественный и «качественный» рост уголовно наказуемых деяний, особенно совершаемых организованными преступными группами, квалификация представителей преступного мира, отток профессионалов из силовых структур, а как следствие, недостаточно эффективная деятельность правоохранительных органов и суда подвигли законодателя к внедрению в практику деятельности последних нетрадиционных методов работы, а именно: в 2009 г. в результате внесенных в УК РФ и УПК РФ изменений закреплено досудебное сотрудничество стороны защиты со следствием. Новелла законодательства уже нашла реализацию в правоприменительной практике России, в том числе и на территории Волгоградской области.

Появление нового, ранее нашему законодательству неизвестного правового института предопределило основное направление деятельности правоохранительных органов и суда по реализации положений закона – борьбу с групповыми формами проявления преступной деятельности. Проведенное исследование показало, что почти 90 % следователей признают целесообразным введение в законодательство правовых норм, регулирующих порядок соглашения сторон обвинения и защиты. Остальные, не отрицая в принципе значимости данного правового института, высказывают сомнение в его действенности в условиях нашего правового поля, среди прочего была ссылка и на менталитет участников уголовного судопроизводства.

Кроме того, каждый третий обвиняемый в совершении тяжких и особо тяжких преступлений в составе группы из тех, что пожелали участвовать в анонимном анкетировании, проявил интерес к перспективе сотрудничества со следствием в случае смягчения наказания за совершенное деяние, а каждый девятый выразил желание «поэкспериментировать», «поиграть в орлянку с судьбой»¹.

Решение об удовлетворении ходатайства о заключении соглашения или отказе в нем должно быть продиктовано целесообразностью предстоящего сотрудничества, в том числе отсутствием иных возможностей получения искомых доказательств по делу. Оно не может быть

¹ В анонимном интервьюировании по исследуемой проблеме пожелали участвовать 98 обвиняемых (подозреваемых) из различных регионов России, преимущественно проходящих по делам, возбужденным на территории Южного федерального округа в период с 2003 по 2008 г.

мотивировано лишь «процессуальной экономией, позволяющей избежать громоздкой процедуры судопроизводства». Вряд ли есть необходимость в заключении соглашения, если в результате деятельного раскаяния обвиняемого (подозреваемого) будет получена информация, которая лишь дублирует сведения, уже имеющиеся в материалах уголовного дела, или информация, которую следователь может получить из иных источников, не используя процедуру применения поощрительных норм, и пр. Сторона обвинения должна руководствоваться ценностными категориями – значимостью информации в процессе всестороннего и полного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Посредством введения новой главы в УПК РФ законодатель не обошел вниманием и такую насущную потребность, как безопасность в уголовном судопроизводстве. Представляется, что сотрудничество со следствием, несмотря на угрозу безопасности, свидетельствует не только об исполнении подследственным его обязательств по соглашению, но и характеризует его как личность. Поэтому, вынося представление об особом порядке проведения судебного заседания по уголовному делу, прокурор должен указать степень угрозы личной безопасности, которой подверглись обвиняемый и лица, жизнь, здоровье и благополучие которых ему дороги (п. 4 ч. 1 ст. 317⁵ УПК РФ), а суд обязан исследовать степень данной угрозы (п. 4 ч. 4 ст. 317⁷ УПК РФ). Кроме того, со стороны прокурора необходимо отразить характер противоправных действий, принимаемых заинтересованными лицами в целях воспрепятствования установлению истины по делу, и меры процессуальной и государственной защиты как ответную реакцию правоохранительных органов.

Принимая за основу изложенное, считаем должным в ходе решения вопроса о досудебном соглашении о сотрудничестве информировать сторону защиты о мерах безопасности, которые могут быть применены в отношении обвиняемого (подозреваемого) или его близких. Если необходимость в комплексе защитных мер возникла на момент заключения соглашения, то обязательства стороны обвинения по обеспечению безопасности фигуранта должны быть отражены в данном документе.

Исследуя проблему вовлечения в уголовное судопроизводство лиц в качестве обвиняемых (подозреваемых), необходимо рассматривать их участие именно через призму действенного обеспечения безопасности, независимо от стадии производства по делу и наличия досудебного соглашения о сотрудничестве. Нельзя не учиты-

вать тот факт, что при расследовании преступления, совершенного группой лиц, по одному и тому же делу в качестве обвиняемых (подозреваемых) проходят как лица, добровольно сотрудничающие со следствием (или имеющие такое намерение), так и те, кто активно ему противодействует, в том числе оказывая неправомерное воздействие на соучастников преступной деятельности и (или) их близких. Перечисленные лица могут находиться как на свободе, так и в изоляции от общества, поэтому особенно актуальным представляется защита их прав и интересов на момент придания статуса «следственно арестованный».

Следственной практике известны случаи, когда обвиняемые (подозреваемые), будучи изолированными от общества, в результате активного сотрудничества со следствием систематически подвергались унижениям, психическому и физическому насилию со стороны «сокамерников». Означенные противоправные действия свидетельствовали:

- 1) о наличии устойчивых каналов связи между соучастниками преступной деятельности;
- 2) об отработанной схеме действий на случай задержания;
- 3) об утечке информации по уголовному делу;
- 4) о возможности финансовой и моральной поддержки лиц, оказывающих неправомерное воздействие в условиях СИЗО в отношении обвиняемых (подозреваемых), вставших на путь исправления.

Так, в ходе расследования ряда разбойных нападений и грабежей члены преступной группы были арестованы и им предъявлено обвинение. Доказательственная база в том числе строилась и на признательных показаниях одного из обвиняемых К., который раскрыл и структуру преступной группировки. Но, спустя определенное время, он был обнаружен в камере СИЗО с перерезанными венами в области предплечья. Фигурант был направлен на лечение, а на имя прокурора поступило письмо, где он «каялся» в оговоре якобы невиновных лиц. В ходе оперативной разработки было выявлено, что после признательных показаний К. систематически подвергался издевательствам и унижениям со стороны двоих «сокамерников», которые выполняли «заказ» с воли. Основным их требованием было – прекратить сотрудничество со следствием¹.

¹ Данный пример был приведен сотрудником уголовного розыска Кировского ОВД г. Уфы (2011 г.).

Необходимо заметить, что лица, в отношении которых избрана мера пресечения – заключение под стражу или которые задержаны по подозрению в совершении преступления, должны содержаться в условиях, исключающих угрозу их жизни и здоровью (ч. 3 ст. 10 УПК РФ). Это требование становится актуальным, когда отдельные соучастники преступной деятельности принимают решение о сотрудничестве со следствием. Однако трудно себе представить, а тем более практически осуществить то, что законодатель имеет в виду.

Действительно, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в интересах обеспечения жизни и здоровья подозреваемых и обвиняемых предусматривает их размещение в одиночных камерах, что в принципе соответствует требованиям п. 9 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. На практике же это реализовать довольно проблематично: в настоящее время в СИЗО преобладают многоместные камеры, и условия для одиночного содержания арестованных практически отсутствуют.

В подобной ситуации, если обвиняемый (подозреваемый) изъявил желание сотрудничать со следствием, наиболее приемлемым будет включение его в Программу государственной защиты, поэтому ему должны разъясняться права еще до момента допроса по существу в качестве обвиняемого (подозреваемого).

§ 3. Тактико-психологические особенности проведения иных следственных действий с участием лиц, безопасность которых подвержена угрозе

В ходе предварительного расследования лица, вовлеченные в уголовный процесс, не только выступают в качестве допрашиваемых, но и являются участниками иных следственных действий, в процессе которых им приходится взаимодействовать с обвиняемым и его представителями, заинтересованными в неблагоприятном с позиции установления истины исходе дела. Ограничимся исследованием процедуры организации и тактико-психологических особенностей проведения очной ставки и предъявления для опознания. Именно на момент подготовки и в ходе их проведения довольно часто возникают ситуации, когда на участников уголовного судопроизводства оказывается неправомерное воздействие со стороны заинтересо-

ванных лиц. Соответствующее влияние обусловлено непосредственным восприятием и общением противоборствующих сторон – участников означенных следственных действий – друг с другом. Это предполагает ответную реакцию со стороны соответствующих должностных лиц правоохранительных органов.

Проведение очной ставки в целях установления истины по делу, как правило, предполагает конфликтное межличностное взаимодействие участников данного следственного действия. Основанием для такого вывода является само назначение очной ставки: будучи самостоятельным следственным действием, цель которого – устранение существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц посредством попеременного допроса их в присутствии друг друга, она выступает в качестве источника, формирующего доказательственную базу по делу вопреки воле отдельных фигурантов, заинтересованных в неблагоприятном исходе дела. Кроме устранения противоречий, очная ставка выполняет и другую, не менее важную роль: она способствует изобличению во лжи лиц, противодействующих следствию. По меткому замечанию В. Л. Васильева, обладая большой силой воздействия на лиц, в чьих показаниях содержатся преднамеренные искажения истины, она часто играет роль кульминационного, переломного пункта в их дальнейшем поведении на следствии¹.

Закон не уточняет, какие противоречия следует считать существенными. В отношении этого вопроса в литературе представлены различные точки зрения, которые в основном сводятся к тому, что рассматриваемая дефиниция должна определяться следователем исходя из обстоятельств расследования по уголовному делу и значения устанавливаемого факта, это несовпадения, расхождения в показаниях по существу обстоятельств, включенных в предмет доказывания.

Взяв за основу изложенное, считаем, что под существенными противоречиями следует понимать такие, которые дают основания для различной трактовки важных для хода расследования обстоятельств дела и не могут быть объяснены объективными и субъективными особенностями восприятия тех или иных событий участниками допроса. Надо думать, что закон, не давая понятия «существенные противоречия», полагается на субъективное мнение

¹ См.: Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб., 2009. С. 483.

должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело. Как правило, данное следственное действие проводится по решению следователя: он наделен компетенцией определения «существенности» противоречий, содержащихся в показаниях ранее допрошенных участников уголовного процесса, и прогнозирует или их «устранимость», или возможность «равноценной замены» очной ставки посредством иных действий и мероприятий в ходе производства по делу.

В то же время законодатель не исключает подобной инициативы и от представителей заинтересованных сторон (обвиняемого, подозреваемого, защитника, потерпевшего), по ходатайству которых следователь материализует их право на участие в данном следственном действии или обосновывает свою позицию об отказе в проведении очной ставки посредством вынесения соответствующего постановления.

В ходе запланированной очной ставки, взяв за основу ее проведения устранение существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, следователь получает возможность решить еще ряд задач:

- 1) убедиться в достоверности показаний, исходящих от конкретного участника следственного действия;
- 2) удостовериться, что добросовестный участник уголовного судопроизводства в любом случае останется при своих первоначальных показаниях;
- 3) продемонстрировать фигуранту по делу, противодействующему расследованию, что в уголовный процесс вовлечены лица, которые изобличают его в совершенном преступлении;
- 4) подвинуть посредством данного процессуального действия лицо, противодействующее расследованию, к переосмыслению занятой им позиции в дальнейшем.

Проведению очной ставки в обязательном порядке должна предшествовать тщательная подготовительная работа. Особое внимание следователя должно быть направлено на прогнозирование поведенческой установки каждого из участников следственного действия на момент его проведения, особенно в том случае, если в отношении одного из них будут предприняты попытки оказать неправомерное воздействие. При этом следователь принимает меры к нивелированию опасений,

объясняя, что участник следственного действия находится под защитой государства и ему ничто не может угрожать, комментируя требования закона в части, охватывающей комплекс мер, которые могут быть предприняты по ограждению его от мести со стороны заинтересованных лиц.

На этапе подготовки к проведению очной ставки бывает довольно трудно предвидеть варианты поведения противоборствующих сторон, вмешательство в процесс установления истины заинтересованных лиц. Значит, вряд ли целесообразно возникшие противоречия устранять посредством проведения данного следственного действия на первоначальном этапе расследования, т. е. на момент, когда следователь, как правило, испытывает дефицит в доказательственной информации по делу и не располагает сведениями, характеризующими фигурантов, в показаниях которых возникли существенные противоречия. В числе прочего должны предприниматься меры к изучению психологических особенностей участников предстоящего следственного мероприятия, получению сведений о положительных и отрицательных качествах личности, отличительных чертах их характера (сильных и слабых сторонах), в том числе и информации о поведенческих установках защитника обвиняемого в подобных ситуациях.

Следователь должен психологически подготовить добросовестного участника уголовного судопроизводства к встрече с лицом, которое уже однажды преступило закон, чтобы на очной ставке им была проявлена твердость в отстаивании занимаемой в ходе следствия позиции. В этих целях необходимо организовать и провести предварительную беседу, в ходе которой обладателю достоверной информации по делу разъясняются его права и обязанности, порядок проведения очной ставки, прорабатываются неблагоприятные ситуации, которые могут сопровождать этот временной отрезок расследования по делу, и пр. Необходимо, чтобы индивид проникся доверием к действиям следвателя и понял, что в случае необходимости ему будет оказана поддержка и гарантирована безопасность.

Значимая роль в этом процессе отводится информированию нашего фигуранта о намерениях следвателя по предъявлению в ходе очной ставки доказательств, изобличающих виновного в совершении уголовно наказуемого деяния. Посредством этого оказывается особая психологическая поддержка добросовестным участникам следст-

венного действия. При предъявлении доказательств, которые представляют собой материальные объекты (предметы, документы и пр.), следователю необходимо предусмотреть меры противодействия возможности их порчи или уничтожения.

Даже психологической настройкой участника уголовного судопроизводства на изобличение обвиняемого в совершенном деянии и реализация этого «порыва» в ходе очной ставки не всегда разрешает противоречия, возникшие между представителями противоборствующих сторон, и цель установления истины по делу достигается, как правило, лишь частично.

При изучении уголовных дел рассматриваемой нами категории ни одного случая изменения обвиняемым (подозреваемым), противодействующим расследованию совершенного им уголовно наказуемого деяния, своих первоначальных показаний в ходе очной ставки выявлено не было. В подобной ситуации устранение противоречий в целях установления истины по делу, как правило, заканчивается безрезультатно: или оба допрашиваемых дают заведомо ложные показания, не противоречащие друг другу, или, в лучшем случае, каждый из них остается при своих первоначальных показаниях.

В случае подтверждения допрашиваемым своих показаний в присутствии изобличаемого лица обеспечивается надежная свидетельская база, но задача по устранению противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц не решается.

Трудно оспаривать тот факт, что с позиции уголовного процесса доказательственная значимость результата, полученного в ходе подобной очной ставки, незначительна. Было бы неразумно исключать и положительный момент в тактическом плане: это не только укрепляет морально-волевые качества добросовестного участника следственного действия, но и дает повод обвиняемому задуматься о своей линии поведения на перспективу. Последний понимает, что вопреки всем усилиям заинтересованной стороны по противодействию расследованию все же есть участники процесса, которые придерживаются линии изобличения его в совершенном деянии.

Несмотря на волевые качества участника следственного действия, необходимо учитывать и степень его заинтересованности в исходе дела. Такая нейтральная фигура, как свидетель, в ходе очной

ставки легко поддается негативному воздействию стороны защиты. Психическое давление, осуществляемое обвиняемым и его защитником (если следователь не смог его заблокировать), проявляется в лучшем случае в свидетельских показаниях, которые можно двойственно толковать, в худшем – он идет в «фарватере» показаний обвиняемого. Отсутствие интереса в исходе дела в сочетании с беспокойством за личную безопасность опосредованы безучастным поведением должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, как на момент подготовки к следственному действию, так и в ходе его проведения. В подобной ситуации налицо проигрыш в инициативе: следователь не смог умело и правильно использовать стремление допрашиваемого к деятельному сотрудничеству со следствием.

Как правило, обвиняемый и его защитник при изъятии желани «устранить противоречия», возникшие в ходе производства по делу, преследуют и иную цель – оказание психического воздействия на оппонента. Не нужно быть хорошим психологом, чтобы понять, что может испытывать потерпевший, оказавшись лицом к лицу с тем, кто не так давно совершил в отношении его уголовно наказуемое деяние, тем более посредством физического насилия. В подобной ситуации следователь обязан пресекать все попытки отрицательного влияния, поэтому предварительная работа не может ограничиваться лишь психологической подготовкой добросовестного участника уголовного судопроизводства.

Не меньшее значение имеет и соответствующее воздействие в рамках закона на подследственного, если есть основания полагать, что в ходе очной ставки он планирует предпринять ряд противоправных действий в отношении изобличающего лица или намерен изыскивать возможности по его запугиванию, а возможно, и срыву следственного действия. В этом случае следователю, чтобы нейтрализовать умысел на негативное воздействие, необходимо:

- довести до сведения обвиняемого (подозреваемого), что участие в данном следственном действии для него – это право, а не обязанность;
- предупредить о недопустимости отступления от сценария проведения очной ставки, в частности исключения каких-либо попыток с его стороны прерывать оппонента;
- при наличии вопросов к последнему их задают лишь с разрешения следователя;

– поставить подследственного в известность, что в целях предупреждения неправомерного воздействия на лицо, избобличающее его в совершении преступления, в ходе очной ставки может присутствовать оперативный работник, наблюдая за поведением оппонентов, а ход следственного действия будет зафиксирован посредством использования видеокамеры.

Анализ уголовных дел в ходе исследования показал крайне низкую эффективность очных ставок, проводимых при расследовании преступлений в условиях активного противодействия со стороны лиц, совершивших преступление в группе. В результате неправомерного воздействия на этапе, предваряющем данное следственное действие, в совокупности с психическим влиянием на волю допрашиваемого в ходе его производства 72 % свидетелей и 43 % потерпевших на очной ставке отказываются от первоначально данных достоверных показаний. При этом 11 % свидетелей и 9 % потерпевших «ограничиваются» частичным изменением своих показаний в пользу обвиняемого.

В целях предупреждения воздействия на свидетеля (потерпевшего) в ходе очной ставки со стороны недобросовестных участников процесса в литературе высказан целый ряд рекомендаций. Часть из них сводится к организации и проведению следственного действия без визуального (и даже с искажением слухового восприятия) контакта между противоборствующими сторонами, что исключает идентификацию «изобличителя» заинтересованной стороной. Это предложения о проведении видео-конференц-связи на базе локальной сети с использованием персональных компьютеров и веб-камер, в случае необходимости с аудио- и видеопомехами, а также зеркальных стекол, яркого освещения, направленного на подозреваемого (обвиняемого), и пр.

Так, в частности, по мнению В. В. Степанова, такая возможность обусловлена, во-первых, необходимостью обеспечения реальной защиты добросовестного участника очной ставки; во-вторых, отсутствие визуального контакта допрашиваемых субъектов не является чем-то исключительным для очной ставки, т. е. подобная организация регламентирована применительно к предъявлению для опознания (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); в-третьих, очная ставка и предъявление

для опознания – действия, имеющие существенные совпадающие признаки, в основе которых лежат показания¹.

Вряд ли очная ставка может включать в себя перечисленный комплекс действий со стороны следователя. Кроме отступления от процессуальных требований, предъявляемых к проведению поочередного допроса участников процесса в присутствии друг друга, это было бы крайне неразумно из тактических и психологических соображений. Решение о проведении очной ставки обусловлено прежде всего тем, что она, как было уже указано выше, обладает высокой силой воздействия на ее участников именно при непосредственном контакте.

Исходя из этимологии словосочетания, очная ставка предполагает расположение допрашиваемых друг против друга, в непосредственном наблюдении и восприятии ответной реакции на позицию по делу, излагаемую оппонентами в результате попеременного допроса. Сам термин «очная ставка», будучи производным от древнерусского «ставить очи на очи», по определению В. Даля, представляет собой сводку обвиняемых и свидетелей «с глазу на глаз». Проведение данного следственного действия предполагает общение «очи в очи» между двумя лицами, в ходе которого возникает психологическое воздействие одного на другого посредством визуального и вербального контакта, а также следователя на каждого из них в отдельности. Мощное средство воздействия очной ставки обусловлено именно «эффектом присутствия»; детальное воспроизведение события и его изобличительная сила выражается прежде всего в непосредственном впечатлении, которое оказывает живая речь каждого из допрашиваемых друг на друга.

В психологическом плане показания, произнесенные непосредственно дающим их лицом в присутствии изобличаемого, более впечатляют, чем те же показания, оглашенные следователем. Кроме того, устный рассказ на очной ставке обычно дополняется деталями и нюансами, интонационными и экспрессивными оттенками, которые придают ему убедительность и жизненную достоверность.

¹ См.: Степанов В. В. Очная ставка: процессуальные проблемы, организационные и тактические аспекты // Вестник криминалистики. 2003. Вып. 4. С. 45.

Впечатление от живой речи тем выше, чем последовательнее и логичнее она, чем решительнее и увереннее лицо, которое ее произносит¹.

Исследуя процессуальные аспекты проведения данного следственного действия, следует признать, что законодатель предъявляет к следователю четкие требования, обязывая его на начальном этапе выяснять у лиц, между которыми проводится очная ставка, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся, и только после этого начинать допрос по существу (ч. 2 ст. 192 УПК РФ). Как следствие, уместен вопрос: как же или каким образом это можно реализовать, если не посредством сведения допрашиваемых «с глазу на глаз», в противном случае, вне визуального восприятия, они даже не знают, с кем взаимодействуют? Отступление от обязательной к исполнению процедуры проведения очной ставки будет явным нарушением уголовно-процессуального законодательства.

Действительно, следственная практика изобилует примерами, когда в ходе очной ставки не только подследственный, но и его защитник предпринимают попытки к подавлению воли участника уголовного процесса посредством различного рода провокаций, угроз, которые сопровождают полемику. Данные проявления не ограничены только репликами, словесными оборотами, вуалирующими их смысл. Они предполагают использование и различных невербальных средств общения, которые, будучи выражены посредством мимики, угрожающих жестов, агрессивных поз и пр., реализуются, как правило, в момент, когда следователь отвлечен на занесение показаний в протокол очной ставки.

В практике автора имел место случай, когда вследствие подобного поведения обвиняемого Б. следователь не добился ожидаемого результата. Вся проблема сводилась к тому, что свидетель до опененения боялась встретиться с обвиняемым, который на ее глазах жестоко избил соседа бейсбольной битой. Окровавленным орудием преступления он угрожал и ей как очевидцу происшедшего. Надо было видеть перепуганную женщину, прибывшую на очную ставку, перед которой предстал «далеко не красавец» со своеобразными ухмылками и ужимками, сопровождаемыми специфическими гримасами. Свидетель (хотя с ней и была проведена пред-

¹ См.: Чуфаровский. Ю. В. Психология оперативно-разыскной и следственной деятельности. М., 2008. С. 186.

варительная подготовка), воспринимая это, впала в нечто вроде ступора; она не только не могла поднять на обвиняемого глаза, но и создавалось впечатление, что многие вопросы следователя женщина не может осмыслить, не говоря уже о том, чтобы полемизировать с Б., отстаивая свою позицию. В итоге следователь был вынужден прервать проведение следственного действия.

Предвидя подобное развитие ситуации, следователь должен решить вопрос о способах фиксации данного следственного действия. Видео-запись позволяет решить проблему не только последующей наглядной демонстрации эмоций, переживаний ее участников, но и исключить всякий бесконтрольный контакт между взаимодействующими сторонами как на речевом уровне, так и посредством невербальной коммуникации. Кроме того, заранее может быть предрешен исход опровержения результатов следственного действия «проигравшей» стороной.

Однако видеосъемка не решает всех проблем проведения попеременного допроса участников следственного действия в присутствии друг друга в условиях противодействия расследованию. Умелое и правильное использование инициативы опосредовано постоянным и непрерывным наблюдением за допрашиваемыми на протяжении всего следственного действия. При проведении очной ставки следователь наблюдает за поведением каждого из участников и делает соответствующие выводы, которые впоследствии использует для устранения разногласий в показаниях оппонентов.

Должностному лицу необходимо сфокусировать все свое внимание на участниках очной ставки, анализируя поведенческие установки каждого из них как ответную реакцию на присутствие друг друга и избобличающие показания, полученные в ходе попеременного допроса. В итоге это лишает недобросовестных участников уголовного судопроизводства возможности согласовать позиции по противодействию расследованию, а также является сдерживающим фактором в отношении намерения одной из сторон оказать негативное воздействие на оппонента и сводит к минимуму влияние, неблагоприятное для процесса установления истины по делу.

Надо все же признать, что не всегда у следователя имеется реальная возможность предотвратить негативное воздействие представителей заинтересованной стороны на добросовестного допрашиваемого (да порой и предвидеть подобный замысел) и нейтрализовать его

последствия. Поэтому в случае опасения участника уголовного процесса за свою безопасность и обращения с просьбой не проводить очную ставку с его участием следователю необходимо отказаться от данного следственного действия. Он должен допросить свидетеля (потерпевшего) по данному факту, отразив в протоколе не только причину отказа от очной ставки, но и формы угроз за содействие следствию, поступившие в его адрес, от кого они исходили, каким способом реализованы, есть ли основания опасаться за безопасность близких и т. д.

Взяв за основу компетенцию следователя по градации противоречий на «существенные» и «несущественные», полагаем, что он вправе самостоятельно принимать решение о проведении очной ставки. Позиция следователя по этому вопросу формируется и обусловлена полученными в процессе расследования результатами. Он самостоятелен в принятии решения о направлении расследования в целях устранения противоречий, возникших при производстве по делу. То есть даже при наличии формального основания для проведения очной ставки должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, вправе отказаться от ее проведения, когда велика вероятность того, что под воздействием опытного обвиняемого свидетель (потерпевший) может изменить показания, которые, по мнению следователя, являлись достоверными.

Если проведение очной ставки может нанести вред интересам расследования, следователь должен попытаться устранить противоречия в показаниях противоборствующих сторон иными процессуальными способами: дополнительным допросом этих лиц, предъявлением им вещественных доказательств, документов, установлением и допросом новых свидетелей и т. д. Означенное решение следователь должен обосновать соответствующим постановлением, где излагаются мотивы «игнорирования» очной ставки как средства разрешения возникших противоречий.

Анализ следственной практики и проведенное исследование позволяют утверждать, что результативность очной ставки в условиях конфликтной ситуации обусловлена рядом факторов:

– тщательной тактико-психологической подготовкой не только добросовестного участника уголовного процесса, но и лица, противодействующего расследованию, а также самого следователя;

– своевременным пресечением и нейтрализацией негативного влияния подследственного и иных субъектов на лиц, изобличающих виновного, не только в период, предшествующий очной ставке, но и в ходе ее проведения;

– навыками и способностями следователя совмещать попеременно допрос представителей противоборствующих сторон с предъявлением доказательств виновности конкретного лица в совершении преступления, выборе для этого соответствующего момента;

– наличием достоверных доказательств по делу и умением следователя убедительно аргументировать их процессуальную значимость перед заинтересованными сторонами;

– намерением участника уголовного процесса подтвердить свои изобличающие показания на очной ставке активной наступательной позицией в ходе установления истины по делу;

– уверенностью участника уголовного процесса, что содействие раскрытию и расследованию преступлений не поставит под угрозу его безопасность и благополучие его близких.

Подводя итог изложенному, считаем, что случаи привлечения участника уголовного судопроизводства, подвергшегося посткриминальному воздействию, против его воли к участию в очной ставке, если он не находится под государственной защитой, должны быть исключены.

Рассматривая такое следственное действие, как предъявление для опознания, следует заметить, что в литературе высказывается немало рекомендаций по его проведению, в том числе и в условиях активного противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц, когда возникает необходимость в обеспечении безопасности добросовестных участников уголовного судопроизводства.

Целью любого опознания является получение дополнительных доказательств виновности конкретного лица или его непричастности к совершенному деянию. Результат проведения следственного действия обусловлен установлением тождества или различия опознаваемого объекта в числе других с ранее визуально воспринятым фигурантом по делу. Опознание представляет собой сложный комплекс психической деятельности индивида, которая определена его способностью выделить среди схожих объектов, представленных для обозрения, индивидуальные признаки, присущие одному из них. При этом устойчивые особенности объекта опознания, взятые

за основу опознающим, должны быть им предварительно описаны при проведении допроса.

Как и перед очной ставкой, проведению данного следственного действия должна предшествовать тщательная тактико-психологическая подготовка. На данном этапе, в числе прочего, следовательно необходимо выяснить, не беспокоит ли что потенциального опознающего, в том числе и последствия его содействия расследованию. Если такие факты имеют место, то необходимо продумать меры нейтрализации опасений добросовестного участника уголовного процесса, направленные на обеспечение безопасности в случае угроз в его адрес. Обобщая полученные сведения в комплексе с оперативной информацией, следователь должен выработать сценарий опознания, не исключая проведения следственного действия в условиях, когда визуальное наблюдение опознаваемым опознающего невозможно, в том числе предполагая и необходимость зашифровки установочных данных добросовестного участника уголовного судопроизводства.

В большинстве случаев событие преступления оказывает существенное воздействие на психологическое состояние и эмоциональную сферу его очевидца. Особенно это относится к потерпевшим. В немалой степени психология опознания, как и все мыслительные задачи, определяется особенностями личности опознающего, его интересом, отношением к событию преступления и правонарушителю, психологическим состоянием, в котором находился.

На момент предложения следователем свидетелю (потерпевшему) участвовать в опознании у последнего происходят ассоциации не только внешних данных объекта опознания, но и комплекса противоправных действий, которые совершены тем в результате преступления (жестокость, цинизм, безнравственность и пр.). Если же в адрес потенциального опознающего уже поступали угрозы, то он, как правило, мысленно проигрывает те насильственные действия, которые могут быть совершены в отношении его за содействие расследованию.

Иногда своим внешним видом, мимикой, манерой поведения обвиняемый самым непосредственным образом оказывает воздействие на опознающего. *В практике автора был случай, когда потерпевший Т., все еще находясь под воздействием угрозы ножом, совершенной Ч. в целях завладения его имуществом, не смог психологически*

настроить себя на опознание. В ходе следственного действия, когда перед ним предстал обвиняемый со щетиной на лице, взъерошив давно немые волосы, потерпевший несколько минут находился в прощрации. Лишь спустя определенное время он в качестве ответной реакции на вопросы следователя, предусмотренные процедурой опознания, с дрожью в голосе, не глядя на Ч., указал на того как на лицо, совершившее разбойное нападение. Ни о каком комментарии индивидуальных признаков, по которым Ч. был опознан, со стороны потерпевшего рассчитывать не приходилось.

В подобных ситуациях криминалисты настоятельно рекомендуют использовать видеоаппаратуру с учетом разработанных тактических рекомендаций. Несмотря на то, что применение технических средств фиксации в целом требует дополнительных временных затрат, а значит, серьезно тормозит темпы расследования, оно оправдывает свое назначение: позволяет, кроме прочего, более полно сохранить непосредственность восприятия хода следственного действия, затрудняет в последующем отказ от ранее данных показаний, когда результаты опознания могут быть подвергнуты сомнению защитником или иными участниками следственного действия, а также фактически подтверждает правильность подбора следователем статистов, соблюдение порядка и условий производства.

При проведении опознания налицо проявляется так называемый «фактор тактического риска». Обладая информацией об имеющихся местах угроз в адрес свидетеля (потерпевшего), который выступит в качестве опознающего, следователь рискует дать обвиняемому лицу карт-бланш в случае его «неузнавания» при проведении следственного действия. Страх перед последствиями за содействие расследованию, в частности информация о том, на что способен опознаваемый и его окружение, является своеобразным катализатором, который активизирует психологическую защиту свидетеля (потерпевшего), оправдывает в его глазах собственные поступки, идущие в разрез с требованиями закона. Это может явиться причиной «неузнавания» искомого лица либо «ошибкой» в объекте опознания.

В случае отказа от участия в опознании или «неузнавания» обвиняемого (подозреваемого), когда из материалов дела явствует обратное, следователь должен выяснить причину негативного результата. В подобной ситуации воздействие на социально-психологические

качества свидетеля, потерпевшего (обращение к чувству гражданского долга, правосознанию, совести, справедливости и пр.) в современных условиях правового нигилизма вряд ли приведут к положительному результату. Отчасти это возможно при проведении следственного действия в условиях, которые исключают визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, что позволяет решить проблему безопасности последнего.

При предъявлении для опознания речь идет не просто об обеспечении безопасности лиц, а о выборе конкретного способа предъявления для опознания, исключающего визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. Подобные случаи имели место на практике еще до принятия в нашей стране соответствующих уголовно-процессуальных норм. Тогда же были разработаны отдельные рекомендации правового и тактического характера.

До вступления в действие УПК РФ некоторые подразделения правоохранительных органов на региональном уровне принимали меры к созданию специальных помещений. Так, в частности, в 2000 г. в Казани при строительстве СИЗО была предусмотрена специализированная комната со стеклом с односторонним зеркальным покрытием. Известно об их создании и в МВД Ханты-Мансийского автономного округа.

Теорией разработаны и апробированы следующие варианты проведения такого опознания:

- в помещениях, между которыми имеется перегородка с глазком необходимого диаметра, позволяющим лицу, выступающему в качестве опознающего, спокойно разглядеть присутствующих;
- в специальных помещениях с окнами из зеркального или тонированного стекла и необходимой звукоизоляции;
- в помещении с конференц-связью;
- за «ширмой», используемой для производства скрытого опознания при выездах на места происшествий;
- при помощи видео-, кинозаписей.

Управление криминалистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации также разработало соответствующую Инструкцию, в которой проведение опознания предполагает использование специального помещения.

Законом не регламентированы основания для проведения опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего

опознаваемым. Соответственно, принятие решения о проведении следственного действия в подобных условиях возложено на следователя, внутреннее убеждение которого формируется посредством изучения материалов уголовного дела и ознакомления с иной информацией, в том числе полученной из оперативных источников. Кроме того, в обязательном порядке во внимание должно приниматься обоснованное ходатайство заинтересованного лица о проведении опознания в условиях, когда опознаваемый не может его идентифицировать.

Однако практика производства опознания в соответствующих условиях на базе следственных подразделений распространена недостаточно (по нашим данным, в настоящее время лишь около 2,1 % составляет опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, от общего числа уголовных дел, по которым было проведено опознание личности).

По свидетельству практических работников, проведение данного следственного действия выявило такие организационные проблемы, как отсутствие специально оборудованных помещений, в том числе со звуконепроницаемым зеркальным стеклом. Видимо, отчасти поэтому в ряде случаев для опознания изыскиваются иные способы, исключающие визуальное восприятие опознаваемым опознающего. *Так, в Липецкой области в ходе расследования по уголовному делу, где К. обвинялся в незаконном сбыте наркотических средств, его опознание проводилось из автомашины с затемненно-зеркальными стеклами. Полученное таким образом доказательство судом признано допустимым, К. был приговорен к лишению свободы¹.*

При производстве опознания в рассматриваемых условиях местонахождение защитника опознаваемого законом не оговаривается. Этот вопрос не принципиален, защитник опознаваемого может находиться по его усмотрению в любом месте: как рядом с подзащитным, так и по месту нахождения опознающего; он должен исходить из интересов клиента, обеспечения его прав стороной обвинения в ходе проведения следственного действия. Следователь не может создавать

¹ См.: О практике применения органами предварительного следствия в системе МВД России процессуальных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких // Информационный бюллетень СК при МВД России. 2004. № 2. С. 10.

какие-либо искусственные препятствия стороне защиты, исключая все же возможность восприятия заинтересованными лицами внешности опознающего. При этом у защитника опознаваемого лица в обязательном порядке должна отбираться подписка о неразглашении данных предварительного следствия.

Представляется рациональным проведение данного следственного действия по видеозаписи. Как правило, на практике означенный способ опознания осуществляется в том случае, когда потерпевшие (свидетели) отказываются от участия в следственном действии из-за опасения за свою безопасность, в целом проявляя намерения способствовать установлению истины по делу, но иные условия для предъявления подследственного вне визуального восприятия им опознающего отсутствуют. Здесь прослеживается развитие событий на перспективу: следователь предполагает, что если уже имелись угрозы в адрес участников уголовного процесса, то после проведения данного следственного действия «традиционным» способом они могут перерасти в расправу.

Изготовление специальных видеофильмов в таких случаях также должно происходить с соблюдением условий о сходстве предъявляемых объектов и иных установленных законом требований и разработанных криминалистикой рекомендаций. Смонтированный и продемонстрированный опознающему видеофильм приобщается к уголовному делу.

Резонно замечание, что иногда нельзя проводить следственное действие, ограничиваясь лишь использованием заранее сделанной видеозаписи. Желательно, чтобы этот вид опознания проходил в едином временном промежутке. Разрыв во времени в отдельных случаях нерентабелен, поскольку по желанию опознающего опознаваемому может быть предложено выполнить какие-либо действия. Прямая трансляция позволяет это сделать, а предварительно сделанная видеозапись такую возможность исключает.

Так, например, в комнате, где расположен опознаваемый вместе со статистами, устанавливается видеокамера, а монитор, на который транслируется ход следственного действия, – в изолированном помещении по месту нахождения опознающего и следователя с понятиями. По изображению лиц на мониторе происходит опознание. Проведение опознания начинается с разъяснения прав и обязанностей участникам данного следственного действия, опознаваемому

предлагается занять любое место среди статистов. После этого в комнату, где находится монитор, приглашается опознающий; в процессе опознания он, используя посредничество следователя, может обратиться к любому из опознаваемых с просьбой продемонстрировать динамические или функциональные признаки, занять определенную позицию и т. д. Данная просьба выполняется посредством микрофона, выведенного к следователю.

В некоторых случаях, если потенциальный опознающий отказывается от участия в следственном действии по причине боязни вновь встретиться с виновным либо вследствие угроз за содействие расследованию, то лицу, в производстве которого находится уголовное дело, предлагается решить вопрос о целесообразности проведения опознания по фотографии.

Однако достоверность опознания по фотоизображению значительно ниже, чем непосредственно живого лица: фотоснимок не только не может в полной мере отобразить многообразие признаков, индивидуализирующих человека как отдельную личность, но, как правило, и искажает отдельные черты внешности (это характерно для плоскостного изображения), да и не каждый человек обладает фотогеничностью.

В следственной практике автора имел место случай, когда лицо, совершившее разбой, было опознано по фотографии потерпевшей и двумя свидетелями-очевидцами происшедшего. Но на момент задержания лица, подозреваемого в совершении данного уголовно наказуемого деяния, у опознающих возникло сомнение: действительно ли среди статистов находится фигурант, принимавший участие в открытом похищении личного имущества.

Уголовно-процессуальное законодательство не ограничивает участие субъектов расследования лишь рамками рассмотренных следственных действий, круг их представительства довольно широк. Нельзя не учитывать и тот факт, что в процессе проведения ряда иных следственных действий (например, в ходе осмотра места происшествия, следственного эксперимента, проверки показаний на месте) в отношении добросовестных участников уголовного судопроизводства может быть оказано неправомерное воздействие, покушение на их жизнь и здоровье. Следователю необходимо привлекать дополнительные силы и средства, выбирать соответст-

вующее время и порядок проведения следственного действия, продумывать маршруты следования к месту его проведения и обратно, заранее определять место фиксации полученных результатов и т. д.

В случае, когда в данный процесс вовлекаются участники уголовного судопроизводства, находящиеся под государственной защитой, следователь при решении вопроса о проведении того или иного следственного действия с их участием должен придерживаться рекомендаций сотрудников подразделения, обеспечивающего безопасность данной категории лиц, а те – создавать условия для процессуальной деятельности в подобной ситуации и уведомлять в кратчайшие сроки инициатора о возможности и условиях ее осуществления в наиболее благоприятное для этого время. В противном случае должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, нарушает принцип уголовного судопроизводства, не допускающий осуществление действий, создающих опасность для жизни и здоровья участника уголовного судопроизводства.

Человек, выполняющий свой гражданский долг в борьбе с преступностью, должен иметь защиту, достойную возложенных на него обязанностей. Правовые нормы, составляющие основу нового законодательства, призваны обеспечивать безопасность представителей стороны обвинения, которые выступают основным источником процессуальных доказательств по делу.

ГЛАВА III

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ

В УСЛОВИЯХ АКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Взаимодействие следственных и оперативных аппаратов в деле борьбы с преступностью является важнейшим условием выполнения стоящих перед ними задач. Будучи наделенными различными полномочиями, они являются самостоятельными, не подчиненными друг другу подразделениями. Тем не менее объединенные целью борьбы с преступными проявлениями, они не могут функционировать изолированно, их сотрудничество немыслимо без четкого определения места и роли в мероприятиях, проводимых по уголовному делу, что предполагает острую необходимость в координации работы. Однако проведенные исследования все же свидетельствуют об отсутствии должного взаимодействия, что крайне негативно отражается на результатах оперативно-служебной деятельности.

С момента создания следственного аппарата в органах внутренних дел вопросы взаимодействия следственных и оперативных подразделений занимали и продолжают занимать видное место в трудах ведущих ученых-правоведов. В научных исследованиях четко прослеживается зависимость успеха в деле раскрытия и расследования преступлений от своевременности и качества взаимодействия следователя и оперативных работников, кооперирования усилий, высказывается негативное отношение к взаимоизоляции в их деятельности, подчеркивается особая значимость оперативно-разыскного обеспечения предварительного следствия и т. д.

Совершенствование оперативно-разыскного сопровождения расследования является острой проблемой в ходе взаимодействия следственных и оперативных подразделений. Особое значение оперативная информация приобретает там, где процесс раскрытия и расследования преступлений сопровождается активным противодействием. Субъектам, преследующим цель воспрепятствовать установлению истины по делу, свойственны хладнокровие и расчет, а тщательная подготовка, четкое распределение ролей и конспирация в большинстве случаев исключают в их противо-

правной деятельности сбои и ошибки. Раскрытие таких преступлений, установление лиц, их совершивших, мест нахождения одними процессуальными средствами со стороны следователя практически не имеет перспективы. Даже установление лиц, не имеющих отношения к противоправному деянию, но обладающих определенными сведениями по интересующим следствие обстоятельствам, часто требует совместных усилий.

Оперативно-разыскное сопровождение по уголовным делам обусловлено рядом обстоятельств:

1. Посткриминальное воздействие является необходимым атрибутом деятельности организованных преступных группировок (о чем уже говорилось выше). Это значит, что в процессе противодействия раскрытию и расследованию уголовно наказуемых деяний используются не только пробелы в законодательстве или наиболее уязвимые места в цепи обвинения и недоработки следователя (что в своей основе присуще адвокату-защитнику), но и познания в области негласной деятельности оперативно-разыскных аппаратов, возможность утечки и разглашения следственной и оперативной информации как результат действия коррумпированных связей.

2. Круговая порука, корпоративная взаимозависимость соучастников преступной деятельности является составляющей их постпреступного поведения. Однако круг субъектов неправомерного воздействия не ограничивается означенной категорией лиц: это могут быть и родственники, и друзья, а порой и посторонние лица, специально привлеченные для этой цели. Соответственно, фигуранты, не имеющие отношения к преступному деянию, остаются вне поля зрения процессуальной деятельности следователя.

3. Субъекты посткриминального воздействия осознают противозаконность своих действий, а значит, особенно восприимчивы (чувствительны) ко всем попыткам правоохранительных органов их обнаружить. Означенное предполагает тщательную подготовку, принятие действенных мер по конспирированию противоправной деятельности, особенно организаторов (заказчиков) воздействия. Данная категория преступных деяний в силу своей специфики с трудом выявляется процессуальными средствами; наибольшими возможностями в выявлении криминальных замыслов располагают оперативные аппараты.

4. Применение санкций уголовно-правовых норм в своей основе затрагивает, как правило, исполнителей неправомерного воздейст-

вия, организаторы же остаются в «тени». Это в принципе не решает лишь процессуальными средствами и методами работы задачу нейтрализации постпреступного воздействия в отношении добросовестных участников уголовного процесса.

5. Неэффективность использования правовых норм, регулирующих порядок применения мер пресечения. Лица, принимающие участие в психическом или физическом насилии, как правило, редко изолируются от общества посредством применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Применение иных мер уголовно-процессуального принуждения не гарантирует отказа субъекта посткриминального воздействия от реализации преступного умысла, а соответственно, безопасности участников уголовного процесса и их близких.

6. Своеобразие реализации преступного умысла и последствий его воздействия на психику индивида. Как результат – неадекватная реакция жертвы постпреступного насилия, когда она активно противодействует расследованию по делу, в том числе предстает и в роли субъекта неправомерного воздействия.

7. Диапазон способов посткриминального воздействия довольно обширен, что в принципе не вызывает отторжения со стороны отдельных фигурантов предложенной «формы общения». Последние воспринимают уговоры, просьбы, предложения материальной выгоды, услуг и пр. как нечто вполне закономерное – компенсацию за причиненный вред в результате совершенного в отношении их преступного деяния. В подобных случаях (за редким исключением) официальные заявления, как правило, отсутствуют; информация о происшедшем становится достоянием следствия лишь из негласных источников.

Так, преступные элементы, выступающие в качестве источника угрозы в отношении отдельных участников уголовного судопроизводства как следствие их содействия раскрытию и расследованию преступлений, как правило, выявляются в процессе оперативной работы. И это, безусловно, не деятельность подразделений, обеспечивающих безопасность лиц, подлежащих государственной защите, которые осуществляют сопровождение лишь по уголовным делам, где в отношении фигурантов применены меры безопасности, а именно работа непосредственно территориальных подраз-

делений уголовного розыска. Довольно часто подобная деятельность не просто предшествует возбуждению уголовного дела по признакам ст. 309 УК РФ, но и начинается еще до получения следователем официальных данных о преступном воздействии на источник доказательственной информации.

В своей основе данная деятельность правоохранительных органов должна носить предупредительный характер. Наиболее действенное значение для всего процесса установления истины по делу играет информация от негласных сотрудников (ее реализация) в том случае, когда неправомерное воздействие в отношении добросовестных участников уголовного судопроизводства остается на стадии «намерения», когда умысел субъекта посткриминального воздействия на противодействие расследованию остается нереализованным. Важную роль здесь играет временной фактор; подобные ситуации находят свое разрешение в позитиве в том случае, если соответствующие упреждающие мероприятия в отношении фигурантов, имеющих намерение осуществить посткриминальное воздействие, реализуются незамедлительно.

В процедуре возбуждения уголовного дела информационная значимость сведений оперативно-разыскного характера является не только важной, но и имеет решающее значение: так, почти половина дел по ст. 309 УК РФ возбуждается именно в процессе реализации материалов, полученных оперативными сотрудниками. Желательно уже на стадии возбуждения уголовного дела иметь информацию об организаторах и исполнителях посткриминального воздействия, их связях, данные, характеризующие жертву их противоправных действий. Привлечение следователя к разработке и планированию операций по реализации непроцессуальных материалов, полученных оперативными работниками, создает благоприятные условия для превентивных мер по нейтрализации неправомерного воздействия в отношении участников уголовного судопроизводства.

Исключая в подобной ситуации действия следователя по шаблону, оперативные работники помогают ему разобраться в существе полученной негласной информации и проведении первоначальных следственных мероприятий. Это позволяет не только перехватить инициативу у субъектов противодействия, что предоставляет взаимодействующим сторонам дополнительную свободу (временной

фактор) в принятии решений и обсуждении тактики их реализации, но и в целом обеспечивает следственно-судебную перспективу уголовного дела.

В соответствии со ст. 143 УПК РФ рапорт об обнаружении преступного деяния наделен нормативно-правовым статусом: являясь сообщением о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников, означенный документ выступает в качестве одного из поводов для возбуждения уголовного дела (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). В нашем случае это нечто вроде подведения итогов (анализа) работы оперативного работника, в течение определенного времени изучавшего и документировавшего посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий деятельность отдельных лиц по организации и (или) принуждению участников процесса к противодействию расследованию.

Результаты оперативно-разыскной деятельности, которые могут служить поводом к возбуждению дела по признакам ст. 309 УК РФ, на основании постановления руководителя органа, осуществляющего данный вид деятельности, с приложением сообщения в форме рапорта (а также предметов и документов, полученных при проведении оперативных мероприятий, в том числе материальных, физических носителей информации) от имени оперативного работника, располагающего данной информацией, направляются по подследственности. В материалах должны содержаться достаточные сведения, указывающие на признаки состава преступления, в том числе информация о том, где, когда, кто, при каких обстоятельствах и в отношении кого совершил посткриминальное воздействие, каким способом, кто является очевидцем происшедшего и прочие факты, имеющие значение по делу.

Если в отношении иных материалов, полученных в результате оперативно-разыскных мероприятий, соответствующие должностные лица (начальник органа дознания, руководитель следственного органа) решают вопрос о подследственности и передаче дела одному из следователей, то в этом случае вопрос не актуален: материалы для возбуждения дела по признакам ст. 309 УК РФ передаются тому следователю, в чьем производстве находится уголовное дело, в ходе расследования по которому имело место посткриминальное воздействие (ч. 6 ст. 151 УПК РФ).

Следует отметить, что деятельность следователя и оперативного работника на стадии возбуждения уголовного дела по факту пост-преступного воздействия и первоначального этапа расследования носит, как правило, поисково-разведывательный характер и направлена на получение дополнительной информации, позволяющей устранить проблемные ситуации. Информационное обеспечение является обязательным условием эффективности деятельности любой социальной системы. Без наличия информационных связей в системе нельзя говорить о каком-либо взаимодействии между ее элементами и о существовании самой целостности. Мысль об исключительной значимости информации и ее превентивном использовании четко сформулирована еще на рубеже VI–V вв. до н. э. древнекитайским полководцем и военным деятелем Сунь-Цзы: «Знать наперед намерения противника – это, по сути дела, действовать как Бог».

Для познающего субъекта взаимодействие с кем-либо ценно в первую очередь передачей определенной информации. Чтобы расследование конкретного преступления носило активный, целенаправленный характер, следователь должен свободно ориентироваться в информации по делу. На всех этапах расследования своеобразным ее накопителем являются материалы уголовного дела. Однако познавательная деятельность следователя вряд ли может ограничиваться лишь его рамками; здесь имеет место учет всех сведений, полученных в ходе расследования, в том числе и негласными средствами и методами.

Оперативная информация периодически используется в качестве ориентирующей для последующей ее реализации в ходе расследования 62,7 % из числа опрошенных следователей. Негласная информация, как и доказательства по делу, формируясь посредством восприятия и последующего отражения вовне материальных и идеальных следов преступной деятельности, дает возможность делать достоверные предположения о планах и намерениях фигурантов как на момент возбуждения уголовного дела, так и в процессе расследования.

В результате ее использования значительно расширяются потенциальные возможности следователя: ему проще определиться не только с очередностью проведения отдельных процессуальных мероприятий, что имеет немаловажное значение, но и определить спо-

собы вызова лиц для участия в следственных действиях, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, наметить пути установления психологического контакта, наиболее оптимальные варианты предъявления доказательств, а в итоге – восполнить пробелы в доказательственной базе еще до официальной встречи с участником следственного действия.

В условиях и обстановке противодействия расследованию успешное проникновение в планы и намерения конфликтующей стороны является методом, оптимизирующим сложный процесс достижения правоохранительными органами собственных целей. Негласный характер оперативно-разыскных мероприятий дает иногда единственную возможность для получения искомой информации о тактической позиции конфликтующих субъектов и в то же время позволяет замаскировать планы и намерения правоохранительных органов¹, парализовать волю индивида, направленную на постпреступное воздействие в отношении участников уголовного процесса. В результате акцентирования внимания на данной проблеме оперативные работники выявляют, а порой и документируют факты, свидетельствующие о намерении преступных элементов или лиц, вовлеченных в противодействие расследованию, оказать неправомерное воздействие до момента реализации ими умысла.

При отсутствии оперативного сопровождения почти 2/3 опрошенных следователей испытывают затруднения в целом при проведении отдельных следственных действий. Определяющим здесь является наличие негласной информации и ее профессиональное использование, чем в значительной степени обусловлен успех расследования по делу. Однако, несмотря на то, что оперативно-разыскная информация, как правило, оптимизирует процесс расследования по делу, использование ее в процессуальной деятельности следователя возможно лишь после надлежащей проверки и процессуальной легализации. Совместная оценка подобной информации заинтересованными сторонами во многом предопределяет дальнейшее направление расследования.

¹ См.: Драпкин Л. Я. Конфликтные ситуации и методы их разрешения в процессе преодоления противодействия расследованию // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений. Екатеринбург, 2006. С. 8.

Так, в практике автора имел место следующий случай: накануне опознания одного из участников посткриминального воздействия сотруднику уголовного розыска, осуществляющему оперативно-разыскное сопровождение расследования по делу, поступила информация о намерении фигуранта изменить внешность (последний принял решение во время утреннего туалета, накануне опознания, коротко остричь волосы и сбрить усы). Узнав об этом, следователь своевременно предпринял меры к корректировке тактики своих действий в ходе опознания, проведя ряд подготовительных мероприятий. Проведение запланированного следственного действия принесло ожидаемый результат.

На практике подмечена характерная особенность: граждане охотнее идут на контакт в том случае, когда информация, исходящая от них, не фиксируется в процессуальных документах и доводится до фигуранта без указания источника происхождения. У нас нет оснований заявлять, что основная масса граждан не относится к числу законопослушных и имеет намерение избежать исполнения процессуальных обязанностей, но порой встречаются столь «щепетильные» вопросы (охарактеризовать соседа, товарища по работе, учебе, дать сведения о его личной жизни, порочных наклонностях и пр.), от ответов на которые они пытаются уклониться. В подобных ситуациях следователю желательно использовать помощь оперативных работников, стиль и методы работы которых не всегда требуют процессуального закрепления полученных сведений.

В юридической литературе встречаются справедливые высказывания о возможности превалирования оперативно-разыскных методов изучения личности над «чисто следственными», особенно когда необходимо учитывать противодействие расследованию со стороны коррумпированных лиц, угрозы в адрес участников уголовного процесса и пр.¹ Особый случай – когда в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности изучение не может быть ограничено лишь лицами, причастными к совершению преступлений, когда необходимым условием является анализ, познание микросреды,

¹ См.: Лавров В. П. Изучение личности обвиняемого в аспекте борьбы с организованной преступностью // Биологическое и социальное в личности преступника и проблемы ее ресоциализации. Уфа, 1994. С. 15.

в которой находится тот или иной человек, с более широких позиций, выявление причин и условий противоправного поведения¹.

Не умаляя значимости процессуальной информации, хотелось бы акцентировать внимание на том, что именно сведения, получаемые посредством негласной работы, предоставляют возможность взаимодействующим сторонам выстраивать прогностическую модель поведения субъекта посткриминального воздействия на следствии. Изучение личности последнего оперативным путем, критический анализ ее психологических особенностей позволяет выявить истинные намерения, предвидеть те или иные варианты действий с учетом конкретных условий, убедиться или усомниться в реальности реализации исходящих угроз.

Именно располагая уникальными возможностями оперативно-разыскной деятельности, сотрудники криминальной милиции, по свидетельству профессора Б. П. Смагоринского, обеспечивают получение информации, указывающей на контакты между лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, и их близкими, с одной стороны, и свидетелями и потерпевшими – с другой, нейтрализуя провокации в отношении последних².

Уголовным делам, расследование по которым сопровождается противодействием со стороны заинтересованных лиц, присуща характерная особенность: негласная деятельность оперативных работников не может быть ограничена лишь выявлением фактов посткриминального воздействия и лиц, его организующих и исполняющих. Сбору и анализу подлежит информация, дающая возможность взаимодействующим структурам заблаговременно выявлять настрой и линию поведения не только субъекта посткриминального воздействия, но и его жертвы в ходе предстоящих следственных действий, ее отношение к исполнению процессуальных обязанностей, которыми ее наделяет закон.

¹ См.: Антонян Ю. М. Причины преступного поведения. М., 1992. С. 52; Кузьмин А. Ф. Особенности криминальной среды общеуголовной направленности // Вестник Московского ун-та МВД России. 2008. № 4. С. 78.

² См.: Смагоринский Б. П. Проблемы совершенствования оперативно-разыскного сопровождения предварительного расследования тяжких преступлений // Тактика, методика и психология расследования тяжких преступлений. Волгоград, 1994. С. 34.

Во-первых, как верно подмечено В. П. Хомколовым, мероприятия, осуществляемые в ходе оперативно-разыскного обеспечения предварительного следствия и направленные в отношении лиц, пытающихся помешать совершению правосудия, по отношению к потерпевшим и свидетелям носят охранительный характер, т. е. направлены на защиту их законных прав и интересов. Если, например, в отношении указанных лиц проводится скрытое наблюдение, то его целью является выявление и документирование действий фигурантов, которые пытаются оказать на участников уголовного процесса какое-либо воздействие¹.

Во-вторых, потерпевшие и свидетели сами могут выступать объектами разработки в случае их противодействия расследованию. Эта деятельность направлена на выяснение мотивов противодействия и целей, которые они преследуют, предоставляя заведомо недостоверную информацию или негативно воздействуя на добросовестных участников уголовного процесса. Посредством этого одновременно выявляются и документируются их противоправные действия.

В практике автора имел место следующий случай. *На домовладение гр. А. было совершено разбойное нападение, в результате которого потерпевшая получила ножевое ранение. Один из нападавших был задержан при деятельном участии потерпевшей и ее соседей, показания которых легли в основу доказательственной базы по делу. Однако, спустя некоторое время, А. заявила, что нападение совершено не обвиняемым, а соседи задержали случайно проходившего мимо молодого человека, что те и подтвердили. Оперуполномоченный уголовного розыска, осуществляющий оперативно-разыскное сопровождение расследования по данному уголовному делу, получил информацию, что часть ущерба потерпевшей была возмещена отцом последнего, а соседи подверглись угрозам со стороны неизвестных им лиц. Обработка негласной информации в тесном взаимодействии со следователем определила дальнейшее направление по раскрытию и расследованию совершенного деяния.*

¹ См.: Хомколов В. П. Организация управления оперативно-разыскной деятельностью: системный подход. М., 1999. С. 87.

Взаимодействие следователя и оперативного работника – это познавательный процесс, в ходе которого стороны обмениваются полученной информацией на постоянной основе. Материалы оперативно-разыскного характера, содержащие информацию по оптимизации процесса расследования, могут быть предоставлены следователю для ознакомления исключительно по согласованию с оперативным работником, который определяет объем и характер предоставляемой информации по своему усмотрению.

Предпочтительно непосредственное ознакомление следователя с оперативными документами, имеющими отношение к его деятельности по конкретному уголовному делу. При передаче информации иным способом (в форме рапорта, справки или устно) ее обладатель (оперативный работник), не будучи обстоятельно знаком с материалами дела, может упустить какую-либо деталь, по его мнению, не представляющую интереса, но которая для другой стороны может стать определяющей. В совокупности все это позволяет избежать заинтересованного, избирательного подхода оперативного работника в предоставлении только той информации следователю, которая, в зависимости от субъективного усмотрения, подтверждает ту или иную более ему «близкую» версию.

Непосредственное ознакомление с оперативными документами позволяет следователю всесторонне их проанализировать и критически оценить, придает уверенность в правильности выбранного направления расследования и организационно-тактических мероприятий по делу. Что же до предубеждения, то оно может возникнуть не только при ознакомлении с оперативно-разыскными данными, но и в ходе процессуальной деятельности. Решение рассматриваемой проблемы зависит не столько от источника и характера полученных сведений, сколько от умения следователя беспристрастно подходить к оценке подобных материалов.

Своевременное информирование оперативного работника должно исходить и от следователя. Не являются исключением случаи, когда получена и закреплена в процессуальном порядке информация, на сбор которой нацелен негласный аппарат, когда необходима корректировка в отдельном поручении, времени его исполнения и пр. Следователь должен не только эффективно и правильно использовать оперативную информацию, но и сообщать «обладателю» о результатах ее реализации; это дает возможность последнему определить уровень

эффективности примененных средств и методов, делает дальнейшую его работу более целеустремленной и целенаправленной.

Следователь должен знать все, что относится к расследуемому им уголовно наказуемому деянию и может иметь значение для выяснения его обстоятельств. Для него не может быть тайны в относящейся к делу оперативно-разыскной информации (но не об источниках ее получения), равным образом, как и для оперативного работника не должно быть тайны в материалах, содержащихся в уголовном деле, расследование по которому он сопровождает присущими только ему специфическими методами деятельности. Отсутствие такого обмена приводит к дублированию, излишней трате сил, средств и времени и, в конечном счете, – к снижению качества расследования.

В данном случае нами представлена и обоснована идеальная ситуация: систематический взаимный обмен информацией по делу между взаимодействующими сторонами. На практике же складывается несколько иное положение: мягко говоря, «недостаточное взаимоинформирование» следственных и оперативных аппаратов, а то и просто утаивание информации о результатах уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности. Это явствует не только из интервью следователей, которые настаивают на ознакомлении с материалами дел оперативного учета, сообщениями негласных источников и пр., но и из опросов оперативных работников, которые упрекают тех в отклонении их просьб по ознакомлению с материалами уголовного дела.

Основной причиной подобного поведения 29 % следователей и 68 % оперативных работников назвали предотвращение утечки информации, т. е. сохранение следственной тайны, зашифровку источников информации. Чрезмерная подозрительность (пусть и не лишённая оснований), а соответственно, опасение взаимообмена информацией оборачиваются изолированностью, разобщенностью взаимодействующих субъектов, что довольно часто приводит к утрате (или «неактуальности») ценной информации. Недостаточная взаимоинформированность существенным образом сказывается на возможности выработки определения приоритетных направлений деятельности взаимодействующих субъектов.

Процессуальная форма обеспечения координации работы сотрудников указанных подразделений предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством (ч. 4 ст. 38, ч. 1 ст. 152, ч. 4 ст. 157,

ч. 2 ст. 163, ч. 7 ст. 164, ч. 1 ст. 210 УПК РФ) и заключается, в частности, в даче следователем поручений оперативным работникам о производстве отдельных следственных действий, оформляя это соответствующим документом; особую роль здесь играет ситуация, когда расследование по делу сопровождается активным противодействием со стороны заинтересованных лиц¹. В подобной ситуации следует исключать формализм как в изложении задания (где должна быть четко мотивирована необходимость проведения конкретного следственного действия именно работником органа дознания, а не следователем, в производстве которого находится уголовное дело), так и в его выполнении; в деле нейтрализации посткриминального воздействия существенную роль играет – позволим себе еще раз отметить – именно временной фактор.

Несмотря на то, что более 75 % оперативных работников считают исполнение отдельного поручения следователя основной формой взаимодействия², анализ практики свидетельствует об обратном. Выполнение ими поручений по проведению отдельных следственных действий ожидаемого результата не достигает вследствие несвоевременности, низкого качества их исполнения. Перекалывание должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, своих функциональных обязанностей на представителей иного подразделения вызывает крайне негативную реакцию со стороны последних: 82,4 % оперативных работников «признают», что следователи в этом случае злоупотребляют правом, которым их наделил закон. Как следствие, задания выполняются с нарушением требований законодательства, некомпетентно.

Опыт работы (*автора*) в подразделениях следствия и уголовного розыска, в числе прочего, дает нам основание сделать следующий вывод: решение данной проблемы на практике, прежде всего, зависит от организации работы подразделений и межличностного контакта

¹ Следователи, мнение которых нашло отражение в разработанной анкете, отметили, что в процессе расследования преступлений они неоднократно использовали помощь работников органа дознания, в частности, привлекая их к совместному участию в проведении отдельных следственных действий (52,4 %) и обязывая к выполнению отдельных поручений (79,7 %).

² См.: Кириченко С. А., Мешков В. М. Использование криминалистически значимой информации, полученной оперативно-разыскным путем, при расследовании проявлений организованной преступности. Калининград, 2002. С. 33.

взаимодействующих сотрудников, их взаимопонимания и взаимоуважения. Казалось бы, что же может быть более запрограммированным в совместной деятельности следователя и оперативного работника, как ни официальная сфера взаимоотношений, ведь их деятельность урегулирована целым рядом законов и подзаконных нормативных актов.

Однако достижению общей цели во многом способствует именно уровень межличностных отношений, психологическая совместимость, которые, как нигде, проявляются в процессе совместной деятельности, направленной на решение задач борьбы с преступностью. Отношения, находящиеся за рамками официоза, самым непосредственным образом влияют на качество работы представителей взаимодействующих структур.

Проведение отдельных следственных действий, в частности допросов, обысков и пр., несмотря на загруженность, следователю предпочтительно выполнять самому: во-первых, обладая более полной информацией по делу, он свободнее ориентируется в вопросах, подлежащих выяснению (нет необходимости вводить в курс дела иное лицо); во-вторых, впоследствии ему не нужно будет вникать в суть представленных материалов, изучая их и выискивая недостатки и упущения сотрудника, исполнившего отдельное поручение; в-третьих, необоснованное поручение сотрудникам органа дознания проведения следственных действий отвлекает их от исполнения непосредственных функциональных обязанностей, предусмотренных законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Как справедливо подмечено, «оперативный работник – не подсобный рабочий следователя, выполняющий черновую работу, а лицо, отвечающее за оперативно-розыскные действия при производстве предварительного расследования»¹. В ходе взаимодействия сотрудников указанных подразделений каждый из них должен действовать своими, лишь ему присущими методами работы, в пределах своей компетенции, при строго персональной ответственности, исключая всякую подмену одного другим².

¹ Гапанович Н. Н., Мартинович И. И. Основы взаимодействия следователя органов дознания при расследовании преступлений. Минск, 1983. С. 31.

² См.: Сидоров В. Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М., 1992. С. 43, 48.

Нельзя при этом не учитывать и психологический настрой жертвы поскриминального воздействия. На бытовом уровне (отчасти, «благодаря» формированию негативного образа оперативного работника в средствах массовой информации) участник следственного действия представляет следователя как интеллектуально более развитую личность, обладающую навыками делового общения, коммуникабельную и склонную к сопереживанию. Именно поэтому большая часть опрошенных свидетелей и потерпевших, в отношении которых имело место неправомерное воздействие (почти 70 %), высказывались за то, чтобы исходящая от них информация фиксировалась должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело (как правило, следователем), а не оперативным работником, и непременно в его кабинете.

По общему правилу следователь обязан сам проводить процессуальные действия, связанные с оценкой доказательств, на основании которых формируется его внутреннее убеждение по основным направлениям расследования. Иное дело, исполнение оперативным работником письменных поручений об организации и проведении оперативно-разыскных мероприятий по факту активного противодействия, имевшего место в ходе расследования. Здесь неуместно какое-либо оправдание его нераспорядительности: это одна из непосредственных (эксклюзивных) обязанностей и возможностей оперативного работника, ведь следователь в силу своих процессуальных функций не имеет права осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

Итак, оперативно-разыскное сопровождение процесса расследования, осуществляемое в ракурсе рассматриваемой проблемы как следствие квалифицированного использования негласной информации, призвано решать целый ряд задач:

- 1) предупреждение, выявление и нейтрализация фактов посткриминального воздействия;
- 2) оперативное прикрытие (защита) добросовестных участников уголовного судопроизводства и их близких;
- 3) установление лиц, организующих и реализующих комплекс действий посткриминального характера в отношении добросовестных участников уголовного судопроизводства (их близких);

4) формирование намерений источника угрозы на отказ от противоправного поведения;

5) обнаружение материальных следов постпреступной деятельности заинтересованных лиц, выявление очевидцев и лиц, располагающих сведениями об их противоправной деятельности;

6) локализация и пресечение каналов утечки информации по делу, в том числе из мест (в места) изоляции следственно арестованных;

7) сбор, обобщение и анализ оперативной информации, в том числе полученной посредством внутрикамерной разработки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наличие конфликта не снимает самой возможности общения и достижения целей расследования, поскольку в деятельности по осуществлению правосудия всегда имеет место взаимное стремление к получению информации, которое обеспечивает интерес, необходимость общения в конфликтной ситуации. Конфликт разрешается успешнее, если взаимодействующие стороны (следователь и участник уголовного судопроизводства) заинтересованы в достижении некоего общего результата, побуждающего к сотрудничеству.

В теории конфликта имеет место такое понятие, как «конфликтная компетентность», т. е. умение (способность) должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, разобраться, насколько в конфликте представлены именно те противоречия, которые могут и должны быть разрешены. Это предполагает, что деятельность следователя (дознателя) по разрешению конфликтной ситуации должна быть реализована последовательно в несколько этапов:

– во-первых, необходимо выяснить, действительно ли это конфликт (возможно, это всего лишь заблуждение одной из взаимодействующих сторон), т. е. необходимо правильно оценить ситуацию, которая сложилась на момент проведения конкретного следственного действия;

– во-вторых, определить причины конфликта. Исчерпывающее определение характера проблемы, приведшей к конфликту, помогает следователю оценить свое поведение и поведение участника следственного действия; важно осознать точки соприкосновения конфликтующих сторон, истоки их противоречия. Именно знание этих причин позволит следователю ограничить число конфликтных столкновений при общении с конкретным лицом в дальнейшем или вообще избежать их;

– в-третьих, наметить (посредством поиска) возможные пути разрешения конфликта. Речь идет о путях достижения позитивного сотрудничества в тактическом и психологическом плане: следователь ставит перед собой вопрос, что бы он мог сделать, чтобы разрешить возникший конфликт, что в этом направлении могли бы сделать

его коллеги, что мог бы сделать конфликтующий субъект, и, соответственно, намечает пути выхода из конфликта;

– в-четвертых, реализовать намеченный способ разрешения конфликтной ситуации, т. е. претворить в жизнь комплекс намеченных тактико-психологических приемов;

– в-пятых, критически оценить мероприятия и действия, принятые взаимодействующими сторонами для разрешения конфликта, их эффективность и недостатки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Законодательные и другие нормативные акты

1.1. Конституция Российской Федерации : офиц. текст (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.2. Всеобщая Декларация прав человека (принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Рос. газета. – 1998. – 10 дек.

1.3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеей ООН). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.4. Декларация прав и свобод человека и гражданина // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.

1.5. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 г.). – URL: <http://www.shkolprav.ryazan.ru/konvenciapytok.htm>.

1.6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (по сост. на 29 июля 2017 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.7. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (по сост. на 29 июля 2017 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.8. О безопасности : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 5 октября 2015 г. № 285-ФЗ). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.9. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 7 февраля 2017 г. № 7-ФЗ). – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

1.10. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : федер. закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (в ред. от 1 июля 2017 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.11. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г. № 272-ФЗ). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.12. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2016 г. № 505-ФЗ). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.13. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.14. Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 // Рос. газета. – 2011. – 2 марта.

1.15. Инструкция по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел : приказ МВД России от 29 апреля 2015 г. № 495 дсп.

1.16. Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Государственная программа на 2014–2018 гг. (с изм. на 13 августа 2015 г.) : постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.17. Об организации государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства органами внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 20 марта 2008 г. № 256.

II. Монографии, учебники, учебные пособия

2.1. Азарова, Е. С. Проблемы борьбы с организованным противодействием раскрытию и расследованию преступлений : учеб. пособие / Е. С. Азарова. – Волгоград : ВИЭСП, 2008. – 128 с.

2.2. Актуальные вопросы осуществления государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов и участников уголовного судопроизводства : аналитический материал. – Москва : ВНИИ МВД России, 2006. – 50 с.

2.3. Баев, О. Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии (основы предупреждения и разрешения) : моногр. / О. Я. Баев. – Воронеж : ВГУ, 1984. – 132 с.

2.4. Баев, О. Я. Тактика следственных действий : учеб. пособие / О. Я. Баев. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 456 с.

2.5. Бахин, В. П. Тактика преступников. Тактические приемы противодействия преступников следствию : учеб. пособие / В. П. Бахин. – Киев : Изд-во Семенко Сергея, 2009. – 44 с.

2.6. Белкин, Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2001. – 240 с.

2.7. Белкин, Р. С. Избранные труды / Р. С. Белкин. – Москва : НОРМА, 2008. – 768 с.

2.8. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком : моногр. / А. А. Бодалев. – Москва : МГУ, 1982. – 199 с.

2.9. Бочкарев, М. В. Психологические основы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого : моногр. / М. В. Бочкарев. – Саратов : СЮИ МВД России, 2008. – 140 с.

2.10. Бочкарев, М. В. Тактика управляющего воздействия на лиц, представляющих оперативный интерес, при раскрытии и расследовании преступлений : учеб. пособие / М. В. Бочкарев. – Саратов : СЮИ МВД России, 2010. – 100 с.

2.11. Будников, В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве : моногр. / В. Л. Будников. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 144 с.

2.12. Быховский, И. Е. Допустимость тактических приемов при допросе : учеб. пособие / И. Е. Быховский, Ф. В. Глазырин, С. К. Питерцев. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1989. – 48 с.

2.13. Варданян, А. В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений : учеб. пособие / А. В. Варданян. – Москва : ДГСК МВД России, 2012. – 144 с.

2.14. Васильев, В. Л. Юридическая психология : учебник / В. Л. Васильев. – 4-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 640 с.

2.15. Васильева, О. А. Психологический реагент в криминалистике : моногр. / О. А. Васильева, В. Д. Корма. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 152 с.

2.16. Вопросы совершенствования деятельности по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите : материалы Всероссийского семинара-совещания с руководителями подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, территориальных органов МВД России. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2012. – 54 с.

2.17. Гапанович, Н. Н. Основы взаимодействия следователя и органов дознания при расследовании преступлений : учеб. пособие / Н. Н. Гапанович, И. И. Мартинович. – Минск : МВШ МВД СССР, 1983. – 104 с.

2.18. Документирование результатов оперативно-разыскной деятельности и их использование в уголовном судопроизводстве : моногр. / С. И. Гирько [и др.]. – Москва : ВНИИ МВД России, 2009. – 140 с.

2.19. Глазырин, Ф. В. Психология следственных действий : учеб. пособие / Ф. В. Глазырин. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1983. – 136 с.

2.20. Головин, А. Ю. Расследование вооруженных разбоев и бандитизма : учеб. пособие / А. Ю. Головин, И. В. Тишутина. – Москва : ЦОКР МВД России, 2007. – 180 с.

2.21. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс ; пер. с нем. с 4-го доп. изд.: Л. Дудкинъ, Б. Зиллеръ. – Санкт-Петербург : Типография М. Меркушева, 1908. – 1049 с.

2.22. Джакупбеков, А. З. Криминалистическое и оперативно-разыскное обеспечение расследования бандитизма : учеб. пособие / А. З. Джакупбеков, М. К. Карачалов. – Бишкек : Салам, 2012. – 80 с.

2.23. Долгова, А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А. И. Долгова. – Москва : Рос. криминологич. ассоциация, 2003. – 572 с.

2.24. Дулов, А. В. Судебная психология : учеб. пособие / А. В. Дулов. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Высшая школа, 1975. – 464 с.

2.25. Еникеев, М. И. Следственные действия : психология, тактика, технология : учеб. пособие / М. И. Еникеев, В. А. Образцов, В. Е. Эминов. – Москва : Проспект (ТК Велби), 2011. – 146 с.

2.26. Еникеев, М. И. Юридическая психология : учебник / М. И. Еникеев. – Москва : Норма, 2012. – 512 с.

2.27. Зажицкий, В. И. Результаты оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве : теория и практика : моногр. / В. И. Зажицкий. – Санкт-Петербург : Юрид. центр «Пресс», 2006. – 449 с.

2.28. Закатов, А. А. Ложь и борьба с нею : моногр. / А. А. Закатов. – 2-е изд., испр. и доп. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1999. – 152 с.

2.29. Замылин, Е. И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации : учеб. пособие / Е. И. Замылин. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998. – 72 с.

2.30. Замылин, Е. И. Уголовно-правовые и этические критерии допустимости психологического воздействия при допросе (к вопросу о соблюдении прав человека и гражданина на следствии) : учеб. пособие / Е. И. Замылин, Н. В. Кальченко. – Волгоград : ВА МВД России, 2003. – 56 с.

2.31. Замылин, Е. И. Правовые и криминалистические проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений : моногр. / Е. И. Замылин. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 240 с.

2.32. Замылин, Е. И. Теоретические основы, организационно-правовые и тактико-психологические проблемы обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите : моногр. / Е. И. Замылин. – Волгоград : ВА МВД России, 2012. – 432 с.

2.33. Замылин, Е. И. Безопасность участников уголовного судопроизводства : проблемы обеспечения и реализации : учеб. пособие / Е. И. Замылин, В. В. Намнясева. – 2-е изд., испр. и доп. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – 304 с.

2.34. Зорин, Г. А. Психологический контакт при производстве допроса : учеб. пособие / Г. А. Зорин. – Гродно : ГрГУ, 1986. – 71 с.

2.35. Зорин, Г. А. Руководство по тактике допроса : учеб.-практ. пособие / Г. А. Зорин. – Москва : Юрлитинформ, 2001. – 320 с.

2.36. Каац, М. Э. Институт уголовно-процессуальных мер безопасности : учеб. пособие / М. Э. Каац. – Уфа : Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2016. – 129 с.

2.37. Кобцова, Т. С. Комментарий к ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» / Т. С. Кобцова, В. П. Кобцов, А. Б. Смушкин. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2.38. Кокорев, Л. Д. Уголовный процесс : доказательства и доказывание : моногр. / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. – Воронеж : ВГУ, 1995. – 272 с.

2.39. Комиссаров, В. И. Криминалистическая тактика : история, современное состояние и перспективы развития : моногр. / В. И. Комиссаров. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 192 с.

2.40. Коновалов, С. И. Допрос в уголовном судопроизводстве : проблемы соотношения процессуальных и тактических аспектов : моногр. / С. И. Коновалов, А. С. Моторин. – Ростов н/Д : ДЮИ, 2008. – 164 с.

2.41. Кривенко, А. И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность : моногр. / А. И. Кривенко. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 240 с.

2.42. Кудрявцев, В. Н. Стратегия борьбы с преступностью / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Юристь, 2003. – 352 с.

2.43. Лавров, В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : курс лекций / В. П. Лавров. – Москва : Академия управления МВД России, 2011. – 148 с.

2.44. Макарова, Н. Е. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам : лекция / Н. Е. Макарова. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2004. – 40 с.

2.45. Мариновская, И. Д. Юридическая психология : учеб. пособие / И. Д. Мариновская, С. Н. Тихомиров. – Москва : Дело, 2005. – 384 с.

2.46. Мелибруда, Е. Я – ТЫ – МЫ : психологические возможности улучшения общения / Е. Мелибруда; пер. с польского Е. В. Новиковой. – Москва : Прогресс, 1986. – 256 с.

2.47. Меретуков, Г. М. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами (преступными организациями) : учеб. пособие / Г. М. Меретуков. – Краснодар : КГАУ, 2010. – 295 с.

2.48. Мешков, В. М. Оперативно-разыскная тактика и особенности использования полученных результатов в ходе предварительного расследования : моногр. / В. М. Мешков, В. Л. Попов. – Москва : Щит-М, 2012. – 100 с.

2.49. Москвин, Е. О. Тактические приемы : моногр. / Е. О. Москвин. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 88 с.

2.50. Нечаев, В. В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания : моногр. / В. В. Нечаев. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – 200 с.

2.51. Образцов, В. А. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии : учеб. пособие / В. А. Образцов, С. Н. Богомолова. – Москва : Омега-Л, 2003. – 160 с.

2.52. Организация мер государственной защиты на территории Волгоградской области : метод. рекомендации. – Волгоград : ОГЗ УБОП н. п. ГУВД по Волгоградской области, 2008. – 12 с.

2.53. О результатах оперативно-служебной деятельности подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государст-

венной защите, территориальных органов МВД России за 12 месяцев 2011 г. : аналитический обзор от 20 февраля 2012 г. № 1/254.

2.54. Основы борьбы с организованной преступностью : моногр. / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. – Москва : ИНФРА-М, 1996. – 400 с.

2.55. Павличенко, Н. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию : моногр. / Н. В. Павличенко, С. И. Давыдов, В. М. Титов. – Барнаул : БЮИ МВД России, 2008. – 236 с.

2.56. Петрова, А. Н. Меры преодоления противодействия расследованию при производстве отдельных следственных действий : учеб.-метод. пособие / А. Н. Петрова. – Волгоград : ВА МВД России, 2009. – 64 с.

2.57. Питерцев, С. К. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде : учеб. пособие / С. К. Питерцев, А. А. Степанов. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 160 с.

2.58. Порубов, Н. И. Криминалистическая тактика и ее роль в раскрытии преступлений : лекция / Н. И. Порубов. – Минск : МВШ МВД СССР, 1986. – 36 с.

2.59. Ратинов, А. Р. Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний) : моногр. / А. Р. Ратинов, Ю. П. Адамов. – Москва : ВИПИПИРМП, 1976. – 135 с.

2.60. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей : учеб. пособие / А. Р. Ратинов. – Москва : Юрлитинформ, 2001. – 352 с.

2.61. Ратинов, А. Р. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / А. Р. Ратинов, М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. – Москва : Юрлитинформ, 2005. – 256 с.

2.62. Рахматуллин, Р. Р. Методы выявления конфликтных ситуаций и преодоления противодействия расследованию в различных условиях : моногр. / Р. Р. Рахматуллин. – Уфа : Акад. ВЭГУ, 2011. – 252 с.

2.63. Резван, А. П. Криминалистическая тактика : учеб. пособие / А. П. Резван, Н. Ф. Колосов, А. Н. Петрова. – Волгоград : ВА МВД России. – 2012. – 140 с.

2.64. Салимов, К. Н. Методика расследования террористических преступлений : моногр. / К. Н. Салимов, Б. А. Алиев. – Баку : НИИСЭ, 2003. – 536 с.

2.65. Сарсенбаев, Т. Е. Теория и практика охраны прав и законных интересов беспомощных жертв преступления в досудебном производстве (сравнительно-правовое исследование по материа-

лам Казахстана и России) : моногр. / Т. Е. Сарсенбаев. – Москва : Юрлитинформ, 2005. – 480 с.

2.66. Синенко, С. А. Участие потерпевшего в расследовании преступления : моногр. / С. А. Синенко. – Владивосток : ДВГУ, 2007. – 140 с.

2.67. Скопинский, А. В. Свидетели по уголовным делам : пособие для практиков / А. В. Скопинский. – Москва : Кн. маг. И. К. Голубева, п/ф «Правоведение», 1911. – 194 с.

2.68. Суворова, Л. А. Идеальные следы в криминалистике : моногр. / Л. А. Суворова. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 200 с.

2.69. Тимербаев, А. Т. Психологические основы расследования преступлений : учеб. пособие / А. Т. Тимербаев, В. М. Чернявский. – Одесса : УВД Одесского обл. СНД, 1989. – 61 с.

2.70. Тямкин, А. В. Государственная защита прав личности в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел (теоретико-прикладные основы и проблемы) : моногр. / А. В. Тямкин; под ред. М. А. Шматова. – Воронеж : ВИ МВД России, 2004. – 212 с.

2.71. Филонов, Л. Б. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства : моногр. / Л. Б. Филонов. – Москва : МГУ, 1979. – 99 с.

2.72. Хайдуков, Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц : моногр. / Н. П. Хайдуков. – Саратов : СЮИ, 1984. – 124 с.

2.73. Чуфаровский, Ю. В. Психология оперативно-разыскной и следственной деятельности : учеб. пособие / Ю. В. Чуфаровский. – Москва : Проспект: ТК Велби, 2008. – 208 с.

2.74. Шиханцов, Г. Г. Юридическая психология : учебник / Г. Г. Шиханцов ; отв. ред. В. А. Томсинов. – Москва : Зерцало, 2002. – 352 с.

2.75. Экман, П. Психология лжи / П. Экман. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 272 с.

III. Статьи, тезисы выступлений

3.1. Абраменкова, В. С. Следственная тактика и психология / В. С. Абраменкова // Проблемы советского государства и права. – Иркутск : ИГУ, 1975. – Вып. 9–10. – С. 66–76.

3.2. Аверьянова, Т. В. Противодействие расследованию преступлений, совершенных организованными структурами, и пути его преодоления / Т. В. Аверьянова // Противодействие расследованию

преступлений и меры по его преодолению : сб. материалов 51-х Криминалистических чтений : в 2 ч. – Москва : АУ МВД России, 2010. – Ч. 1. – С. 15–19.

3.3. Аверьянова, Т. В. Соотношение методов эвристики с внутренним убеждением следователя / Т. В. Аверьянова // Труды Академии управления МВД России. – Москва, 2012. – № 1. – С. 3–7.

3.4. Артемьев, С. Что может РУОП? / С. Артемьев // Неделя. – 1995. – 30 июля.

3.5. Баев, О. Я. Принуждение к даче показаний : криминалистический анализ состава преступления / О. Я. Баев // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3. – С. 227–238.

3.6. Башкирский, А. И. Коммуникативная компетентность следователя как одно из важнейших условий успешного расследования преступлений / А. И. Башкирский // Психологическое обеспечение деятельности ОВД в современных условиях : материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Челябинск : ЧЮИ МВД России, 2002. – С. 50–52.

3.7. Бодров, В. А. Когнитивные процессы и психологический стресс / В. А. Бодров // Психологический журнал. – 1996. – № 4. – Т. 17. – С. 64–74.

3.8. Бойко, Ю. Л. Особенности преодоления противодействия при расследовании корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД / Ю. Л. Бойко // Вестник криминалистики. – 2009. – Вып. 4. – С. 84–88.

3.9. Волинский, А. Ф. Аудио-, видеотехника в системе средств доказывания / А. Ф. Волинский, Ю. Н. Миленин // Криминологический взгляд. – 2008. – № 3. – С. 286–289.

3.10. Воробьева, Е. В. Показания очевидца как источник информации о преступлении / Е. В. Воробьева // Вестник криминалистики. – 2010. – Вып. 3. – С. 117–123.

3.11. Григорьев, О. Г. Особенности предъявления для опознания людей в ходе предварительного расследования / О. Г. Григорьев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 4. – С. 72–82.

3.12. Долгова, А. И. Насильственная преступность / А. И. Долгова // Криминология : учебник / под общ. ред. проф. А. И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2010. – С. 611–654.

3.13. Драпкин, Л. Я. Конфликтные ситуации и методы их решения в процессе преодоления противодействия расследова-

нию / Л. Я. Драпкин // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. – Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2006. – С. 5–15.

3.14. Замылин, Е. И. Оперативно-разыскное сопровождение процесса предварительного расследования как фактор предупреждения и нейтрализации постпреступного воздействия / Е. И. Замылин // Вопросы теории и практики раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. – Волгоград : ВА МВД России, 2007. – С. 88–97.

3.15. Замылин, Е. И. Психологическое воздействие и специфика его применения в условиях активного противодействия расследованию преступлений / Е. И. Замылин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2008. – № 2. – С. 48–52.

3.16. Замылин, Е. И. Участники уголовного процесса и иные лица как субъекты посткриминального воздействия / Е. И. Замылин // Общество и право. – 2008. – № 4. – С. 259–267.

3.17. Замылин, Е. И. Тактико-психологические особенности общения с жертвой посткриминального воздействия / Е. И. Замылин // Рос. следователь. – 2008. – № 11. – С. 34–36.

3.18. Замылин, Е. И. Психологический портрет субъекта посткриминального воздействия и аспекты его формирования / Е. И. Замылин // Вестник криминалистики. – 2009. – Вып. 1. – С. 88–93.

3.19. Замылин, Е. И. К вопросу об участии в уголовном процессе жертв посткриминального воздействия / Е. И. Замылин // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 86–91.

3.20. Замылин, Е. И. Конфликтная ситуация в ходе расследования как результат неправомерного воздействия заинтересованных лиц / Е. И. Замылин // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов н/Д : РГУ, 2009. – № 3. – С. 85–89.

3.21. Замылин, Е. И. О взаимодействии следственных и оперативных аппаратов в условиях активного противодействия расследованию преступлений / Е. И. Замылин // Вестник криминалистики. – 2009. – Вып. 3. – С. 117–124.

3.22. Замылин, Е. И. К вопросу о понятии противодействия раскрытию и расследованию уголовно наказуемых деяний / Е. И. Замылин // Вестник криминалистики. – 2012. – Вып. 4. – С. 87–92.

3.23. Замылин, Е. И. Критерии разграничения (классификация) жертв посткриминального воздействия / Е. И. Замылин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2013. – № 2. – С. 56–61.

3.24. Зорин, Р. Г. Криминалистическая характеристика тактиче-ского (психического) воздействия в системе следственных действий / Р. Г. Зорин // Юрид. психология. – 2008. – № 3. – С. 27–28.

3.25. Зуев, С. В. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств / С. В. Зуев // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 94–97.

3.26. Ищенко, Е. П. Результаты оперативно-разыскной деятельности как информационный ресурс расследования преступлений / Е. П. Ищенко // Использование достижений иных наук в криминалистике : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар : КубГАУ, 2008. – С. 135–140.

3.27. Карагодин, В. Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию / В. Н. Карагодин // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 4. – С. 241–252.

3.28. Кардашевская, М. В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению (к вопросу об учебном курсе и его преподавании) / М. В. Кардашевская, И. В. Тишутина // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2012. – № 4. – С. 112–117.

3.29. Карнаухова, О. Г. Процесс формирования заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших / О. Г. Карнаухова // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2015. – № 1. – С. 147–152.

3.30. Корнеева, О. А. Проблемы тактики допроса свидетеля и потерпевшего / О. А. Корнеева // Рос. следователь. – 2010. – № 1. – С. 7–9.

3.31. Кузьмин, С. В. О понятии и содержании тактической ситуации / С. В. Кузьмин // Вестник криминалистики. – 2010. – Вып. 1. – С. 11–15.

3.32. Кустов, А. М. Особенности механизма противодействия расследованию / А. М. Кустов // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : сб. материалов 51-х Криминалистических чтений : в 2 ч. – Москва : АУ МВД России, 2010. – Ч. 1. – С. 114–121.

3.33. Лавров, В. П. Криминалистическая теория противодействия расследованию преступлений и методы его преодоления (сущность; история; перспективы развития) / В. П. Лавров // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. – Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2006. – С. 15–25.

3.34. Лаврухин, С. В. Механизм поведения подозреваемого и обвиняемого / С. В. Лаврухин // Вестник криминалистики. – 2010. – Вып. 1. – С. 23–29.

3.35. Лапин, Е. С. Некоторые проблемы допроса / Е. С. Лапин // Вестник криминалистики. – 2010. – Вып. 3. – С. 101–103.

3.36. Легостаев, В. П. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности / В. П. Легостаев // Основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / под общ. ред. Ю. А. Агафонова, Ю. Ф. Кваши. – Москва : ЦОКР МВД России, 2009. – С. 125–134.

3.37. Лютынский, А. М. Проблемы установления психологического контакта с допрашиваемым / А. М. Лютынский // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства : материалы межвуз. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Москва : АУ МВД России, 2008. – Ч. 2. – С. 188–194.

3.38. Маркушин, А. Г. Уголовный процесс и оперативно-разыскная деятельность (проблемы связи и соотношений) / А. Г. Маркушин // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 191–198.

3.39. Маркушин, А. Г. Правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности в доказывании / А. Г. Маркушин // Конституционно-правовые проблемы оперативно-разыскной деятельности : сб. материалов Всерос. круглого стола. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2012. – С. 177–189.

3.40. Милованова, М. М. К вопросу о противодействии расследованию преступлений / М. М. Милованова, Г. В. Костылева // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : сб. материалов 51-х Криминалистических чтений : в 2 ч. – Москва : АУ МВД России, 2010. – Ч. 1. – С. 149–155.

3.41. Михайлов, В. И. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз : проблемы правоприменения / В. И. Михайлов // Журнал российского права. – 2015. – № 2. – С. 91–101.

3.42. Пархоменко, С. В. Угроза как способ преступного воздействия на личность в процессе доказывания в российском судопроизводстве / С. В. Пархоменко, А. А. Радченко // Криминологический журнал БГУЭП. – 2009. – № 3. – С. 5–10.

3.43. Петрова, А. Н. Вопросы нейтрализации противодействия расследованию в современных условиях / А. Н. Петрова // Право и правоприменение : история, проблемы, тенденции, перспективы : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2009. – С. 154–160.

3.44. Петрова, А. Н. О некоторых аспектах проведения очной ставки на предварительном следствии / А. Н. Петрова, С. С. Домовец // Современные проблемы права : сб. науч. тр. : в 2 ч. – Волгоград : ВА МВД России, 2009. – Ч. 2. – С. 136–139.

3.45. Петрова, А. Н. Отдельные аспекты предъявления личности для опознания в условиях конфликтной ситуации / А. Н. Петрова // Проблемы борьбы с преступностью : российский и международный опыт : сб. науч. тр. – Волгоград : ВА МВД России, 2009. – Вып. 1. – С. 171–174.

3.46. Половка, В. В. Взаимодействие подразделений уголовного розыска со следствием на первоначальном этапе раскрытия и расследования бандитизма / В. В. Половка // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 3. – С. 68–72.

3.47. Саморока, В. Взаимодействие следователей и сотрудников подразделений государственной защиты в обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства / В. Саморока, М. Бекетов // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 102–106.

3.48. Сапожников, А. И. Ухищренное поведение подозреваемых (обвиняемых) как разновидность противодействия расследованию / А. И. Сапожников, В. М. Шевченко // Рос. следователь. – 2008. – № 2. – С. 36–38.

3.49. Сидоров, А. С. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / А. С. Сидоров // Вестник криминалистики. – 2007. – Вып. 4. – С. 92–96.

3.50. Стрельников, В. В. Структура безопасности в правовой системе Российской Федерации / В. В. Стрельников // Гражданин и право. – 2015. – № 5. – С. 41–55.

3.51. Тишутина, И. В. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию : сущность, содержание, место в системе криминалистики / И. В. Тишутина // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2011. – № 1. – С. 149–152.

3.52. Тямкин, А. В. Тактические приемы разоблачения ложных показаний при допросе / А. В. Тямкин, Г. Е. Цыкова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 2. – С. 115–120.

3.53. Чабукиани, О. А. Обеспечение прав личности при предъявлении для опознания / О. А. Чабукиани // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2009. – № 3. – С. 72–79.

3.54. Чебуренков, А. А. Проблемы оценки допустимости отдельных тактических приемов производства следственных действий / А. А. Чебуренков // Следователь. – 2005. – № 8. – С. 24–28.

3.55. Шматов, М. А. Развитие научных представлений о теории оперативно-разыскной деятельности в криминалистике (к истории вопроса) / М. А. Шматов // Оперативник (сыщик). – 2011. – № 3. – С. 9–13.

3.56. Шмонин, А. В. Криминалистическое учение о противодействии расследованию преступлений : современное состояние и пути развития / А. В. Шмонин // Труды академии управления МВД России. – 2011. – С. 10–14.

3.57. Яблоков, Н. П. Криминалистические основы оперативно-разыскной деятельности / Н. П. Яблоков // Вестник Московского ун-та. – Сер. 11 : Право. – 2009. – № 3. – С. 43–60.

3.58. Яковлева, М. Я. Некоторые вопросы преодоления противодействия расследованию в ходе допроса / М. Я. Яковлева // Вестник криминалистики. – 2009. – Вып. 2. – С. 62–64.

Учебное издание

Замылин Евгений Иванович

ТАКТИКА И ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ С ЛИЦАМИ,
ПОДЛЕЖАЩИМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ,
НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Учебное пособие

Редактор *С. Н. Ненькина*
Технический редактор *С. А. Пан*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *О. А. Напольских*

Волгоградская академия МВД России.
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400131, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 25.06.2018. Формат 64x80/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 8,0.
Усл. печ. л. 7,4. Тираж 50. Заказ 28.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400131, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.